

ПОТОКИ

АЛЕКСАНДР
ОХОТНИК
КНИГА 2

18+

Потоки

Александр Охотник

Потоки. Книга 2

«Автор»

2026

Охотник А. В.

Потоки. Книга 2 / А. В. Охотник — «Автор», 2026 — (Потоки)

Вторая книга «Потоков» - это путешествие вглубь. В тёмные воды прошлого, откуда поднимаются призраки, о которых не расскажешь на исповеди. Лия и Иявеенари. Мир становится несправедлив к каждой по-своему, ломая как телесно, так и душевно. Он не выбирает жертв: просто бьёт - и смотрит, встанешь ли ты снова. Параллельно с реальностью, предыстории звучат громче настоящего. Матери, предавшие детей. Дети, потерявшие родителей. И деревенская девчонка, которая просто влюбилась - а в награду получила алые глаза и проклятый меч. Это книга о том, из чего вырастает тьма. И о тех, кто продолжает идти, даже когда свет давно погас. Эпическое, темнеющее фэнтези с психологической проработкой героев, вкраплением мистики и политической интриги, выраженной романтической линией и шепоткой эротики.

© Охотник А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Охотник

Потоки. Книга 2

Пролог

Главное Управление Магии гудело привычной, невозмутимой суетой. Шаги чиновников, шелест пергамента, приглушённые разговоры за дверями. Но этот деловой гул был жестоко разорван.

Сквозь коридор, оставляя за собой вакуум тишины, пронеслась женщина. Каблуки врезались в каменный пол с такой силой, будто каждый шаг отсчитывал удары перед грозой. Огненно-рыжие волосы, струящиеся по плечам, метались вслед за ней, словно пламя, вырвавшееся из-под контроля. Лицо, обычно скрытое за маской холодной учтивости, пылало яростью, не оставлявшей места для дипломатии.

Мимо знакомого мага в синем балахоне, едва успевшего кивнуть, мимо служителя, несшего кипу свитков и пытавшегося вымолвить приветствие – всё было сметено этим неудержимым порывом.

Тиана замерла у двери. Взгляд упёрся в табличку «Краэри Лос, Глава отдела магического контроля», и рука мгновенно рванула железку, отшвыривая в сторону. Подхватив подол платья, женщина с размаху впечатала подошву в створку. Замок отозвался коротким лязгом, и дверь с грохотом впечаталась в стену.

У Дэи от внезапного сотрясения, из рук выскользнули бумаги, которые, ей протягивал Краэри, и Элдрин тут же принялся помогать неряшливой лаборантке. Лос откинулся в кресле, широко улыбнулся и произнёс с лёгкой насмешкой:

– О, моя дорогая супруга. Чем обязан столь эффектным появлением?

Тиана разгладив платье, и выпрямив спину, приняла невозмутимо-спокойный вид.

– Здравствуй Дэя...Элдрин. Не могли бы вы...оставить нас, – мило произнесла она, обведя взглядом присутствующих. – Мне нужно поговорить с супругом наедине.

Дэя и Элдрин переглянулись, продолжая подбирать бумаги. Тиана сжала кулаки, и напускное спокойствие разбилось вдребезги.

– ПОШЛИ ВОН!

Алхимик с лаборанткой вскочили, и в спешке, вышли из кабинета, закрыв за собой дверь. Тиана шагнула к столу и, упершись ладонями в полированную поверхность, вперила в мужа взгляд, полный безмолвного давления. Краэри сглотнул, чувствуя, как ее гнев сдавливает воздух.

– Что случилось? – тихо спросил он.

Супруга выпрямилась, выхватила помятый пергамент из складок платья и швырнула ему в лицо. Краэри вскочил, не выдержав унижения:

– Тиана, ты что себе позволяешь?!

Она выкрикнула в ответ, дрожа от гнева:

– ПОДПИСЫВАЙ! ЖИВО!

Краэри злобно поморщился, поднял бумагу с пола и, разгладив, пробежался по заголовку документа.

– Это же расторжение брака. Ты из ума выжила, любовь моя?

– Любовь? Закрой свою гнилостную пасть, – перешла она на обжигающий шепот. – Не надо строить из себя дегенерата. Ты же понимал, что я узнаю. Ох, как же ты прикрыл свою жопу от меня. Даже уговорил Ногота, чтобы именно Рев отправилась на это задание вместе

со ВСЕМ отрядом, кроме... этой твоей Уини. Её ты не отправил, жалко стало наверное, что такая красотка найдет кого-то получше...

– Ближе к делу, дорогая, – перебил он. – Ты же знаешь, я не выношу этих дурацких предисловий, в отличии от вас, гильдейский.

Тиана облизнув губы, наклонилась вперед, и супруг почувствовал аромат её цитрусовых духов.

– Ты убил мою дочь.

– Её убил извращенец в руинах, а не я, – отрезал Краэри, мгновенно переходя в оборону.

– Иявеенари была ведьмой, Тиана. Такие задания – часть ее работы.

– Ты сам себе веришь? – женщина вскинула голову, и это было первое, что сломало самообладание Краэри. – Ведьм не берут на такие задания. Никогда. А ты... ты с самого рождения ненавидел её. А когда я сказала тебе, что мне нужно, чтобы ты оформил перевод на неё, – она позволила паузе повиснуть в воздухе, наслаждаясь его страхом. – Ты-ы... обидчивый наш, ушел из дома на три дня. И драл эту Уини во все щели. У тебя вообще совесть есть?

Краэри усмехнулся, но это была не насмешка, а скорее нервный тик.

– Совесть? Я не собираюсь обсуждать здесь наши постельные дела. И тем более, слушать твои истерические обвинения. Я не виновен в её гибели, даже косвенно. Более того, я всегда защищал тебя от последствий твоей «любви». Ты отдала ее, ты следила за ней, подкидывала работу Солу, а я тебя покрывал, лишь бы наши отцы не узнали о твоей интрижке.

– Жопу ты свою прикрывал, – она медленно выпрямилась. – Я была счастлива с Эугеном, пока папаша не решился на сделку с вами. Но его больше нет, да унесёт ветер его имя. Так что... подписывай и... наслаждайся одиночеством.

Оставив последнее слово за собой, женщина пошла прочь. Походка оставалась грациозной, даже когда подошвы касались разбросанного по полу пергамента. Только у самой двери она замерла, не оборачиваясь.

– Не волнуйся, – холодно сказала она. – Твоя должность в силе, так что денег на жизнь тебе хватит. А что до Уини... Я договорилась с Лисой, чтобы Дэю оставили в шестом отряде. Я ведь знаю, ты хотел забрать её с собой в академию.

Это был последний, сокрушительный удар. Тиана потянула на себя дверь, и та рухнула, оторвавшись от разболтанных петель. Короткий, злорадный смех сорвался с губ, тут же сменённый наигранным возгласом:

– Ой!

Не удостоив взглядом осколки и пыль, она вышла, оставив за спиной лишь эхо своих шагов.

Едва женщина скрылась, в кабинет, поправляя очки, заглянула Дэя, оценивая «ущерб». Краэри, наконец вырвавшийся из оцепенения, заорал. Он схватил со стола тяжелую чернильницу и метнул в портрет, висевший на стене. Стекло разлетелось вдребезги, а чернила растеклись по лицу, уже бывшей супруги.

– Истрет, сука!

Глава 1

Дочь ветра и огня

Яриборг 899г

Литейный цех представлял собой апофеоз мощи и труда. Воздух здесь не просто вибрировал – он гудел от рёва раскаленного железа и непрерывного грохота прессов. Огромные печи пылали неистовым огнем, отбрасывая блики на вспотевшие, напряженные лица рабочих, а запах горячего металла и серы был настолько едким, что проникал в самую одежду. Это было средоточие промышленной, неукротимой энергии.

В глубине гигантского производства, в стороне от основного потока, находилась лаборатория. У массивного стола, покрытого следами химических пятен, стояли двое. Миика Сол, пятидесятилетний крепкий мужчина, державший в руках толстостенный сосуд. Рядом с ним склонился его сын – Эуген, двадцати одного года от роду. Юноша был среднего роста, но его сосредоточенность придавала ему ауру силы. Длинные чёрные пряди, вырвавшиеся из-под плотной шапочки, обрамляли лицо с серо-голубыми глазами, в которых горел не просто интерес, а лихорадочный огонь открытия. Будучи магом воздуха, уже опередившим большинство выпускников Академии, здесь, в цеху, он был лишь помощником отца алхимика.

Дав знак рукой, Миика наблюдал, как сын создаёт вокруг сосуда слабый, но точный воздушный вихрь и вводит в него последнюю, синюю каплю. Раздался резкий, контролируемый взрыв. Сосуд зашипел, выбросив облачко серебристого дыма – результат реакции Хромоактива с новым сплавом, который был мгновенно разогнан силой воздушного потока, направленного магом, прямо в вытяжку. Вытирая лоб рукавом, Миика довольно улыбнулся.

– Видишь, сын? Не так уж это и страшно, когда соединяешь Хромоактив и Аэзит. Теория одно, цех другое. Ты слишком полагаешься на книги.

Внимательно осмотрев юношу, он нахмурился: длинная прядь, выбившаяся из-под рабочей шапочки, падала на щеку. Порывшись в кармане, Миика вынул тонкое чёрное кольцо, сплетённое из волокон.

– Вот, держи эту штуку. Завяжи волосы получше.

Приняв кольцо, Эуген ощутил под пальцами упругую, но мягкую фактуру – фибросмолу, в которой хлопковое волокно сочеталось с эластичной смолой.

– Новое изобретение? – тихо спросил он, вглядываясь в предмет.

– Моя придумка, никакой магии, только наука, – хмыкнул отец.

Дверь лаборатории открылась, и на пороге появился управляющий Деран, с толстой папкой под мышкой. Он был здесь с плановой проверкой.

– Миика, рад видеть, что разработки идут полным ходом, – осмотрев помещение, произнёс он. – А, Эуген. Рад, что ты обживаешься. И очень приятно видеть, что ты соблюдаешь технику безопасности, – он кивнул на собранные в хвост волосы молодого алхимика. – Как тебе работается здесь? Не слишком ли трудно после Академии?

– Хорошо, господин Деран, – спокойно ответил парень. – Но я работаю с отцом не только здесь, дома тоже. Это та еще мука.

Хлопнув сына по плечу, Миика рассмеялся.

– Алхимия – это постоянная мука, сын. Иначе это не наука, а гадание на ромашке.

– Вот-вот, – поддержал управляющий. – Главное, что результаты есть. Ладно, не буду отвлекать вас, у вас вроде всё хорошо.

Едва он ступил за порог, как на его плечо опустилась властная рука, мягко, но настойчиво отодвинувшая его в сторону.

– У нас всегда должно быть лучше, чем хорошо, Деран, – раздался уверенный голос.

В лабораторию, предшествуемый своей солидной фигурой, вошел Ариес Истрет, глава логистики Ярнборга. За ним, как тень за пламенем, следовала девушка. Ариес окинул помещение быстрым, оценивающим взглядом, который фиксировал не только порядок, но и потенциал.

– Кто глава цеха? – спросил он, ожидая немедленного доклада.

Старший алхимик тут же выступил вперед, кланяясь.

– К вашим услугам, господин Истрет. Я, Миика Сол.

Деран, потирая плечо, не удержался от комментария:

– О, господин Истрет, что, передаете дело дочери?

Ариес, улыбаясь краешком губ, отрицательно покачал головой:

– Пока нет. Но ей уже восемнадцать стукнуло, так что пора вводить в курс дела. Пусть видит, как работает реальное производство.

Он повернулся к девушке. Огненно-рыжие волосы были собраны в строгую прическу, а алый костюм, в отличие от рабочей одежды алхимиков, выглядел чужеродно среди колб. В её позе была неприкрытая высокомерная надменность: голова чуть приподнята, плечи отведены назад, подбородок задран.

– Это Тиана, моя дочь, – представил он девушку. – Она будет здесь часто. Тиана, это господин Сол и...

– Эуген Сол, – тихо представился молодой алхимик.

Та лишь чуть наклонила голову, не уважительно, а снисходительно.

– Сол... значит, семейный подряд, – протянул Истрет, потирая руки. – Рады видеть вас, Эуген.

Девушка не проронила ни слова, но её взгляд, полный властного любопытства, задержался на нем дольше, чем на его отце. Ариес, довольный произведенным эффектом, отвернулся, начиная обсуждать с Миикой объемы поставок реактивов. В этот момент Тиана сделала нечто неожиданное. Спина её мгновенно сгорбилась, и высокая, напряженная поза исчезла. Высокомерие слетело с лица, сменившись едва уловимым озорством. Она незаметно, подмигнула Эугену, прежде чем вновь выпрямиться, вернув на лицо маску отчужденности.

Молодой алхимик почувствовал, как к щекам прилила краска. Он смущенно кивнул, не зная, как реагировать на этот неожиданный, дерзкий жест.

– Судя по запаху, вы работали с Аэзитом? – вдруг спросила девушка, с искренним интересом.

Эуген склонил голову, чувствуя, как смущение усиливается.

– Простите, госпожа Истрет, видимо, не всё выветрилось.

– Просто мисс, – мягко поправила она. – И не нужно извиняться.

Она сделала шаг ближе, пользуясь тем, что Ариес и Миика были полностью поглощены обсуждением поставок.

– Я очень люблю запах Аэзита, – доверительно прошептала Тиана. – Он так щекочет нос... Знаете, этот едкий, но чистый тон.

Она повернулась к отцу, не давая Эугену опомниться, и её голос вновь стал звонким и светским:

– Отец, можно я задержусь здесь? Ты ведь, кажется, уже всё мне показал.

Ариес вздохнул, не отрывая взгляда от бумаг.

– Тиана, опять ты за свое? Ладно, но недолго. Мне не хочется опять выслушивать от матери, что ты вся пропахла невесть чем. И смотри мне! Никаких тиглей и колб!

Она поблагодарила отца кивком, полным послушания, и тут же вернулась к парню.

– Что это за сплав? – спросила она, наклоняясь так близко, что Эуген почувствовал тонкий аромат её дорогих, цитрусовых духов.

Юноша сглотнул. Он был потрясен этой близостью и резкой сменой манер. Его глаза невольно метнулись к её лицу. Он впервые в жизни увидел человека, который не просто терпит запах алхимической лаборатории, а любит его.

– Это... мы пытаемся увеличить стойкость стандартного сплава автоматов, к атмосферным кислотам, – сбивчиво ответил он, указывая на сосуд.

– Кислотам? Покажите формулу! – её глаза загорелись от любопытства.

Парень, совершенно забыв о своей природной неразговорчивости и социальном статусе гостя, начал чертить формулу на запыленном столе, а она, наклонившись слушала с неподдельным, страстным вниманием.

С того дня, Тиана стала частым гостем в лаборатории.

Посещения были нерегулярными, но всегда внезапными, подстраиваясь под график отца. Ариес, полагая, что вводит дочь в курс логистики, обычно проводил совещания в цеху. Тиана же, используя отцовское занятие как прикрытие, пробиралась в лабораторию. Она не просто интересовалась алхимией, она поглощала эту науку. Вопросы девушки были острыми и не по годам зрелыми, касаясь не только эффективности производства, но и философских основ.

Их отношения начались на почве общего языка алхимии. Лаборатория стала их тайным убежищем. Тиана, с яркими волосами и дорогими нарядами, вступала в этот мир, сбрасывая с себя аристократическую броню, а Эуген, неразговорчивый и сосредоточенный, расцветал, находя единственного человека, который понимал его страсть, а не просто должность.

В один из дней, они работали вместе над стабилизацией нового реактива, смешивая компоненты под присмотром Миики. Работа шла слаженно, почти интуитивно.

– Отлично, дети. Вы справляетесь, как старая команда, – одобрительно проворчал алхимик, глядя, как сын стабилизирует сосуд потоком воздуха. – Я пойду, а вы приберите тут всё, мне не нужен беспорядок. И не задерживайтесь!

Как только дверь за мужчиной закрылась, Тиана опустила плечи и глубоко вздохнула. Напряжение, которое она держала в себе, начало постепенно выходить. Она не сразу "вылила" всё, что копилось в ней, а начала с осторожных, но горьких замечаний.

– Ты знаешь, Эуген... я ненавижу все эти совещания. Эти бесконечные цифры, вечные доклады о поставках. Мой отец хочет, чтобы я приняла это дело.

Парень лишь молча слушал, кивая, пока она продолжала, набирая обороты.

– Нас презирают, понимаешь? Мы – Истреты. Да, мы владеем деньгами, да, я чуть ли не с пеленок дружу с принцессой Лисандрой... но мы не вхожи во Двор, по-настоящему. Мы просто те, кто смог совладать с этой сложной системой логистики. Мы сделали себе имя, но не имеем аристократических корней.

Её голос дрожал. Она сделала шаг к столу, ближе к нему.

– Но я... обо всем этом забываю здесь. В этой лаборатории. С тобой, – она подняла глаза, полные искренности. – с твоим слегка смущенным видом... В твоих крепких руках...

Она не успела договорить. Жестикуюлируя, она случайно задела колбу, наполненную светло-зеленой, едкой жидкостью. Колба опрокинулась, и Корозант тут же пролился на подол дорогого платья. Ткань зашипела и начала мгновенно разъедаться, обнажая ноги девушки.

Эуген среагировал мгновенно. Он даже не моргнул. Сквозняк, который мог бы разнести пары по комнате, был магически запечатан – двери и окна наглухо закрылись потоком воздуха. Затем, используя мощный вихрь, он направил ядовитый пар в вытяжку и, не тратя времени сорвал ветром всё платье целиком. Ткань, растворенная и порванная, отлетела в сторону, оставив Тиану лишь в красной исподней сорочке.

Это длилось всего секунду, но его глаза даже не задержались на ней. С помощью более мягкого, контролируемого потока воздуха, он распахнул дверцу шкафа с халатами, и белая, чистая рабочая одежда, оказавшись у него в руках, тут же мягко легла на нее, полностью скрыв обнаженные части тела. Тиана опешила.

– Вот это скорость, – выдохнула она, обтягивая себя халатом. – А ты точно алхимик? С твоими-то способностями, ты должен на границе стоять!

Парень, уже очищая стол от остатков кислоты, покачал головой.

– Война, политика – это не моё, мисс Истрет.

– Да хватит уже мисскасть! Тиана я! – она топнула ногой.

Девушка шагнула к нему почти вплотную, заставив Эугена замереть. Она смотрела снизу вверх, и в глубине её глаз отражалось нечто большее, чем простое облегчение от спасения. Пальцы мелко дрожали, едва заметно потянувшись к его рукаву, но так и не решившись на касание, замерли в паре сантиметров от грубого сукна его одежды.

– Пожалуйста, не говори никому, что ты видел меня... голый.

– Формально вы не были голый, Мисс... Тиана, – сухо ответил он, не поднимая глаз.

– О Свет! Сол, какой же ты душный! – она закатила глаза. – Ты понял, что я имела в виду. Проболтаешься – отец с тебя шкуру снимет. Но всё равно спасибо тебе, – её голос смягчился, и она все же взяв его за руки, нежно, с благодарной теплотой, поцеловала в щеку. – Ты спас меня. Я могла остаться без ноги.

Его щека загорелась от поцелуя, и он замер, ощущая её близость, и внезапную уязвимость. Эуген лишь слегка кивнул, и отпрянув, продолжил сосредоточенно протирать стол. Смущение и долг были единственными эмоциями, которые он позволял себе выразить.

В один из теплых, летних вечеров, Эуген прибыл к воротам поместья Истретов. Он нёс важные документы по инвентаризации – поручение от отца, который настоял, чтобы отчеты были переданы лично главе логистики. Особняк, утопающий в ухоженном парке, был оплотом той самой аристократической власти, которую Тиана так ненавидела. У входа его встретил величественный домоправитель по имени Эрст.

– Я Эуген Сол. Мне поручено, передать эти отчеты господину Истрету, лично, – сказал юноша, зайдя во внутрь.

– Господин Истрет, с супругой, к сожалению, уехали в столицу по неотложным делам и вернутся к концу недели. Не переживайте, я лично прослежу, чтобы бумаги были ему переданы.

Парень кивнул, и протянул папку, чувствуя облегчение от выполненного долга и одновременно легкое разочарование, что придется возвращаться. Он повернулся, чтобы уйти, но его окликнул знакомый, звонкий голос.

– Сол! Эуген!

Тиана спускалась по широкой лестнице. Сегодня на ней было простое, темное платье, лишенное показной роскоши.

– Ты не можешь уйти, не посмотрев мою лабораторию, – заявила она, приказным тоном. Эрст, невозмутимый, как статуя, выступил вперед, преграждая путь.

– Прошу прощения, госпожа Тиана. Я не получал от господина Ариеса распоряжения, пускать молодого человека дальше холла. Мой долг – обеспечивать Вашу безопасность.

– Папа также не любит, Эрст, – девушка злобно усмехнулась. – Когда его любимую курительную трубку из темного дерева кто-то... случайно забывает почистить.

Домоправитель замер, и уголок рта едва заметно дернулся. Он невозмутимо поправил и без того ровный манжет. Бросив почтительный взгляд на Тиану, он склонил голову, принимая поражение.

– Хорошо, госпожа Тиана. Но не дольше часа.

Эуген наблюдал за этой сценой с замиранием сердца. Он не был дураком и прекрасно понимал, что Тиана, наигравшись, может просто выбросить его, как ненужную игрушку, в любой момент. За ней стоял её род, власть, будущее. За ним – только его отец и алхимия. Но риск был сладким...

– Буду признателен, мисс Тиана.

Он прошел по роскошному дому, его шаги по мраморному полу казались слишком громкими. Девушка повела его в свою личную часть дома. Её комната оказалась не такой, как он ожидал. Ни позолоты, ни бархата – лишь простая деревянная мебель, заваленный книгами стол и удобное кресло. Это выглядело как комната коллеги, а не наследницы. Тиана распахнула дверь в смежную комнату, замерев в ожидании.

– Вот, смотри. Мое настоящее убежище.

Это была лаборатория. В отличие от цеховой, здесь царил творческий, но опасный беспорядок.

Эуген сделал шаг внутрь и тут же почувствовал профессиональный дискомфорт. Он оценил её энтузиазм, но внутри него, отчаянно кричал голос его отца.

Перегонный куб стоял на подогревающем камне слишком близко к полке с органическими маслами – одно резкое повышение температуры, и все вспыхнет.

Колбы Брюхнера стояли прямо на краю стола, создавая риск падения и разлива. Хуже всего – запас Хромоактива, хранился не в изолированном контейнере, а на обычной полке, над растворителем, который в теории мог вызвать непредсказуемую реакцию.

Он повернулся к ней. Её яркие, зеленые глаза, полные гордости, были широко распахнуты, в ожидании похвалы,

– Ну как? – спросила она.

– Мисс Истрет, – начал Сол.

– Да будет тебе, Эуген, – прервала его, делая шаг ближе. – Никого же нет рядом, просто Тиана. Мы коллеги, а точнее, ты наставник, а я ученица. Ну так что... как тебе?

Эуген, сбрасывая с себя завесу смущения после слова «наставник», снял куртку и сразу направился к перегонному кубу, указывая на него.

– Ученица, а скажи-ка мне, что здесь не так.

Её глаза загорелись от этой игры, и она выпалила, быстро анализируя ситуацию:

– Камень. Нельзя держать его на подогревающем камне, и...

– Неверно, – отрезал он. – Минус балл.

Не дожидаясь реакции девушки, он продолжил, снимая с себя куртку и кидая её на стол.

– А сейчас что я сделал?

– Ты просто положил куртку на стол.

– Неверно, еще минус балл.

Завершив осмотр, он сел на стол, опустив взгляд на сияющий от чистоты пол. Ещё раз оглядев комнату, взгляд остановился на девушке, опершейся о дверь и скрестившей руки на груди.

– Единственное, за что могу тебя похвалить, это за пол. Он идеально чист...

– Эуген, ты это специально? – глаза Тианы, наполняясь влагой, побледнели. – Я собирала всё это три года. Только сейчас отец позволил завести веществ для опытов. Я хотела не похвастаться, а научиться.

– Тиана, – спросил он, глядя ей прямо в глаза, – давай на чистоту. Зачем тебе это? Зачем тебе все эти склянки, колбы и пробирки?

– Да потому что я не хочу всего этого! – она вскинула голову, выплескивая с горечью. – Не хочу политики! Я хочу закрыться в этой комнате и быть до тех пор, пока проклятый отец не сдохнет вместе со своими деньгами!

– Вот оно что, – понимая истинную причину её рвения, Эуген взял куртку и направился к выходу. – Ты действительно хочешь заниматься наукой? Или это всего лишь повод позлить отца? Наука требует жертв, Тиана. Она не прощает беспорядка и не любит, когда её используют как убежище. Если это просто способ бежать, то мне здесь не место.

Тиана, не говоря ни слова, схватила его за воротник и резко втолкнула обратно в комнату. Не желая слышать его слов, она принялась за работу, быстро, но аккуратно расставляя оборудование. Перегонный куб перенесла подальше от масел, Колбы Брюхнера поставила в центр стола, а Хромоактив поместила в нижний, изолированный шкаф. Закончив расстановку, она злобно посмотрела на парня.

– Наставник из тебя – говно, – выпалила она. – Ты должен был прямо указать на ошибки. Я специально расставила всё так, чтобы ты аргументировал нормально, а не поливал меня вот так! – резко повернувшись, она указала на дверь. – Уходи!

Эуген хмыкнул, понимая, что достиг цели. Едва он занёс ногу для первого шага, Тиана вцепилась в его руку, притянула к себе и прильнула к его губам. Поцелуй был яростным, требовательным и полным накопленного напряжения. Но тут же, оторвавшись от него, она отвесила ему звонкую пощечину.

– Эй, ты чего?! Ты же сама меня поцеловала! – Эуген прижал ладонь к горячей щеке.

Тиана прикусив губу, дерзко положила его руку себе на талию. Коснувшись его носом, прошептала, задыхаясь:

– Это тебе за то, что ты такой тугодум.

Не давая ему опомниться, Тиана вновь впилась в его губы. Поцелуй быстро перешел от ярости к необузданной страсти. Не разрывая контакта, она резко вырвала куртку из его ослабшей руки, бросив на пол. Её пальцы, дрожа от нетерпения, метнулись к пуговицам его рубашки. Эуген, опьянённый внезапным, всепоглощающим желанием, не сопротивлялся. Напротив, он помогал ей, его руки, освободившись от ткани, скользнули по талии.

Не желая задерживаться, парень, собирая остатки концентрации, выпустил мягкий, но мощный поток ветра под платье. Ткань, подхваченная искусным воздушным вихрем, сорвалась с тела так же легко, как когда-то испорченная, но на этот раз, Эуген увидел, что под платьем не было ничего, кроме абсолютно гладкой кожи. Огненные волосы, разметавшись по плечам, контрастировали с тёмной одеждой, упавшей на пол. Она упала на колени, затем легла на куртку, лежащую посреди лаборатории. Изогнувшись и поманив его пальцем, она потребовала:

– Иди ко мне, Сол.

Эуген, отбросив последние сомнения и страхи, тут же навис над ней. Его глаза, еще носившие бирюзовый оттенок от магии, встретились с её горящим взглядом. Их губы слились в новом поцелуе, уже не требующем слов. Руки парня с жадностью исследовали её тело, нежное и горячее, забывая о страхе перед статусом, отцом и всем миром. В тот момент, когда воздух наполнился невидимым, осязаемым жаром, они перестали быть алхимиком и наследницей, став просто мужчиной и женщиной, окончательно растворяясь в своём тайном убежище.

Отношения Тианы и Эугена продолжались около трёх месяцев. Это было время, которое она, жившая словно в золотой клетке, запомнила, как самое свободное и настоящее. Их встречи проходили как в тайной лаборатории, так и в скромном доме Солов, находящемся в промышленной части Ярнборга. Когда Миика был дома, девушка, пренебрегая своим статусом, часто помогала по хозяйству. Истрет готовила ужин – задача, совершенно чуждая для такой, как она.

Но готовила Тиана превосходно. Миика и Эуген, привыкшие к простой, цеховой пище, были по-настоящему впечатлены тем, как девушка её положения, умеет обращаться с приправами и огнём. Каждая минута, проведённая в этом скромном доме, была для неё спасением, от роскошного, но удушающего поместья, где требовалось соблюдение строгих правил.

В один из дней, готовясь к очередной страстной встрече, Тиана почувствовала себя плохо. Её тошнило с самого утра. Мысли, наполненные нежностью и предвкушением, сменились растущим беспокойством. Предполагая, что недомогание вызвано усталостью, она решила тайком, вечером, навеститься в лечебницу.

Но, едва начав сборы, на пороге поместья появились гости. Она мельком разглядела их через окно холла. Судя по безупречным, но старомодным нарядам, было понятно, что это были высокопоставленные аристократы, приехавшие из столицы. Девушка, чувствуя подступающую мигрень, собиралась закрыться в комнате. Начавшееся головокружение, подстегивало лечь на кровать, но дверь распахнулась, и в комнату вихрем ворвалась её мать – Агата.

– Живо собирайся! И приведи себя в порядок! – приказала мать, звеня от торжества. – К нам приехали достопочтенные Лосы, древнейший род в Ниосе! И не дай свет от тебя опять будет вонять, твоими химикатами! Нам нужен этот союз, Тиана! Срочно!

Слова матери, как ледяной душ, мгновенно прогнали остатки недуга. Девушка, чувствуя внезапную слабость и тошноту, поняла, что эта тошнота вызвана не усталостью. Всё стало ясно. Три месяца счастья не могли пройти бесследно. Тиана знала, она беременна.

Мать, не замечая внутреннего шока дочери, рылась в шкафу, шурша шёлком и атласом, в поисках подходящего для такого случая платья. Дочь, уже сидя за туалетным столиком, дрожащими руками обновляла макияж, пытаясь сохранить бесстрастное лицо. Агата, найдя нужное платье, спешно помогла ей одеться, затягивая корсет до болезненного хруста.

– Мам, а почему они заранее не предупредили? – спросила девушка, едва переводя дыхание. – Они же просто как снег на голову.

– Замолчи, – отрезала мать, застёгивая последний крючок. – Они два месяца обдумывали предложение твоего отца. Ты сама знаешь, что о нас думают в их кругах. Но их род, страдает от острой нехватки средств, так что это замечательная партия для обеих семей. Да втяни ты уже живот, – мать раздраженно дёрнула ленту на платье, – опять объелась с утра.

– Мам, а если я не хочу, – прошептала Тиана, пытаясь вырваться.

Не успела она договорить, как получила звонкую пощечину. Голова Тианы откинулась в сторону. Головная боль, и без того мучившая её, пронзила острой, пульсирующей судорогой.

– Если сейчас всё выгорит, – прошипела мать, едва сдерживая ярость, – То уже завтра с утра ты уедешь в столицу. И не вздумай разводить мне сейчас сопли, только макияж испортишь.

– Мамочка, пожалуйста, я не...

Мать уже занесла руку над ней, готовая ударить снова, но дверь распахнулась. В проеме, окинув их ледяным взглядом, стоял глава семейства.

– Агата, долго вас ждать? А ну быстро в гостевую.

Мать, мгновенно сменив гнев на раблепное беспокойство, схватила пудру и быстро замазала покрасневшую щеку дочери. Взяв девушку за руку, будто конвоир, они вышли из комнаты.

Оказавшись в главном зале, она увидела троих человек. Напряжение в зале было почти осязаемым. Ариес, торжествуя и не тратя времени, представил её.

– Господа, прошу любить и жаловать, наша дочь – Тиана. А это, господин Дориан Лос с супругой Венари, и их сын Краэри.

Дориан был щуплым, но невероятно высокомерным мужчиной с седыми усами и холодными глазами. Рядом с ним стояла его молодая супруга, взгляд которой, полный превосходства, тут же вызвал у Тианы отвращение. Но всё её внимание сосредоточилось на Краэри, два-

дцатипятилетнем наследнике. Он был высок, но выглядел болезненно бледно, а его тёмно-синий мундир с серебряными нашивками казался слишком тугим. Его залезшие тёмные волосы подчёркивали хищный овал лица. Отпрыск, нахально облизнув губы, не стесняясь изучал девушку с головы до ног, словно кусок мяса. Осознав, что отступить некуда, мать надавила на запястье дочери. Рука Тианы, подчиняясь невольному движению, была протянута вперед. Краэри, с едкой усмешкой, подошел и, резко склонившись, поцеловал её.

– Невероятная красота, господин Истрет, – прогнусавил Краэри, отпуская руку, продолжая сверлить девушку взглядом. – И этот цвет волос... само пламя.

– Уж был бы я моложе, – прервал его Дориан, едва взглянув на собственную молодую супругу, – сам бы занял место сына. Выражаю восхищение вашей дочери.

Тиана их не слушала. В голове уже начал зарождаться план. План побега. Сегодня. Сразу после этого дешёвого спектакля. Но тогда бежать придётся и Эугену. Она не сможет вечно прятаться у него дома, осознавая, что ставит его под удар. Но тогда что будет с её семьёй? Как они смогут существовать дальше? Их и так начали сильно сдвигать древние рода, для которых они, хоть и сильные противники, но всё равно очередные нувориши.

В этот момент к горлу подступило ещё одно спазматическое ощущение. Она распахнула глаза и повернулась к отцу, едва сдерживая рвотный позыв, и сказала:

– Я покину вас, буквально на секунду. Я проверю, как там на кухне дела.

Получив одобрение от отца, она, стараясь не показывать вида, медленно пошла, хотя на самом деле она уже хотела бежать. Удаляясь от главного зала, она слышала, как отец хвалил её кулинарные навыки, говоря, что ни одно блюдо не проходит мимо строгой ревизии. Оставив позади главный зал, она ускорила шаг, и, понимая, что не добежит до уборной, резко свернула к туалету слуг. Ворвавшись туда и оттолкнув моющего руки Эрста, её вырвало прямо в раковину. Домоправитель, не подав виду и сохраняя невозмутимость, лишь протянул ей чистую салфетку.

– Госпожа Истрет, вы, должно быть, чем-то отравились?

– Да, – прохрипела она, вытирая лицо. – Аристократической чумой.

Кинув салфетку в мусорное ведро, она спешно вышла. Но, пройдя пару шагов, она обернулась.

– Эрст, ты сможешь мне сбежать? Сегодня ночью.

Домоправитель, сложив руки за спиной, не изменил выражения лица.

– Не к причине ли, этой чумы, вы хотите сбежать, госпожа?

Тиана удивилась его проницательности и, от волнения прикрыв живот, сделала шаг назад.

– Не волнуйтесь, госпожа, – тихо произнёс он. – На таком сроке живот не виден. Но на вашем месте я бы всё взвесил. Очень хорошо взвесил. Ведь от этого выбора зависит, какая жизнь будет у Вашего будущего ребёнка. Но не мне Вас учить, Вы ведь, всё уже решили сами, ведь так?

Девушка задумалась, разглаживая складки на платье.

– Нет, ещё не решила, – призналась она.

На следующее утро, до того, как солнце окончательно разогнало туман над Ярнборгом, черная, богато украшенная карета, запряженная четверкой вороных коней, отъезжала от парадных ворот поместья. Внутри находились еще сонные Лосы, и Агата. Рядом с ними, подобно дорогой, но сломанной кукле, сидела Тиана. Её выбор был сделан ночью, преисполненный горькой логики.

Она взвесила слова Эрста. Сбежать с Эугеном означало бы не просто, лишиться род Истретов финансового спасения и политического влияния, которое давал союз с древним родом. Это

означало бы обречь любимого. Ариес, одержимый сохранением лица, никогда бы не позволил наследнице сбежать с цеховым алхимиком, пусть даже талантливым. Используя все свои связи, он бы немедленно уничтожил репутацию Солов, а затем и их жизни.

Тиана, глядя незаметный, но такой важный плоский живот, поняла: бегство не спасет их. Оно просто перенесёт угрозу с семьи, на любимого мужчину и их будущего ребенка.

Сожалея об этой роковой ситуации, она знала, что Сол, честный и прямолинейный, скорее всего, никогда этого не простит. В его воспоминаниях, она останется обычной избалованной девчонкой, которой просто стало скучно от всей роскоши, и которая цинично воспользовалась им, чтобы скоротать время. Она должна была лгать, чтобы спасти его, и это делало поступок ещё более мучительным. Эта мысль, более болезненная, чем пощечина матери, жгла её изнутри. Рисковать жизнью и честью Эугена, она не могла. Но став частью Лосов, Тиана могла их защитить, используя свой новый статус как щит.

Но этот щит, требовал жертв и идеального, хладнокровного расчета. Тиана решила переспать с Краэри при первой же, удобной возможности, чтобы тот, ничего не ведая, думал, что этот ребенок от него. Надеясь, что это будет девочка, она молилась, чтобы та унаследовала её огненный цвет волос и была больше похожа на неё, а не на Эугена. Иначе новоиспеченный муж сразу заметит подвох.

Тихо кивнув принятому решению, девушка прижалась к окну, наблюдая, как пролетают мимо, знакомые улицы Ярнборга. Карета, скрипя колёсами, проехала мимо последнего поворота, выводящего на дорогу к цеховым застройкам. И в этот момент, заглянув в окно в последний раз, она увидела его.

Молодой алхимик шёл по улице. Его длинные черные волосы, собранные в хвост, были чуть растрёпаны утренним ветром. Одетый в обычную рабочую куртку, он явно спешил к поместью Истретов, надеясь увидеть её и узнать причину вчерашнего отсутствия.

Тиана мгновенно отпрянула от стекла, вжимаясь в бархатную обивку сиденья. Сердце сжалось в агонии. Она хотела прямо сейчас открыть дверь и броситься к нему в объятия, навсегда остаться только с ним, в их простой жизни, в их общей лаборатории. Но осталась сидеть.

– Дочь, держи себя прилично, – прошипела мать, заметив её внезапное движение.

Тиана, с трудом сдерживая крик, рвущийся изнутри, лишь плотно закрыла глаза. Теперь ей предстояло самое трудное: отыграть роль любящей невесты и разорвать все связи с прошлым, чтобы Эуген остался в безопасности.

Карета, отягощенная пассажирами и их безмолвными амбициями, проследовала через весь Ярнборг. Проехав всю промышленную зону, оставив позади знакомые цеховые застройки, они выехали из города. Горы, уходящие в небесную синеву, провожали их, возвышаясь над нижней частью города.

Девушка, вжавшись в угол сиденья, смотрела в окно. Вдали, на северо-востоке, где едва виднелось озеро Нуул, она невольно вспомнила, один из их редких выездов с алхимиком. Рыбача вместе на рассвете, они смеялись над неуклюжими попытками друг друга. А после, разведя огонь на берегу, она, готовила ему уху, чувствуя себя просто и беззаботно. В тот же день, укрывшись от случайных взглядов, в тени старой ивы, они сгорали в желании. Ощукая прикосновения его рук, она чувствовала себя по-настоящему живой. Вспоминая тот дикий поцелуй, её щеки едва заметно загорели.

Обернув очередной горный склон, девушка, внезапно заметив смену направления, превратила воспоминания.

– А что, – стараясь придать голосу безразличный тон, спросила она, – мы не едем сразу в столицу?

Глава Лосов, сидевший напротив, усмехнулся:

– Дорогая Тиана, к чему спешка? Мы едем в наш летний домик, где в тишине и покое, Краэри учится благородному ремеслу техномага. Там мы пробудем до конца недели, решим кое-какие формальности.

Путь до летней резиденции, становясь всё более ухабистым, занял остаток дня. К вечеру, когда последние лучи солнца пробивались сквозь кроны вековых деревьев, они прибыли на место. Резиденция Лосов, построенная в стиле позднего Ниосского стиля, сразу показывала своё аристократическое прошлое. Однако облупившаяся штукатурка, потрескавшиеся оконные рамы и заросший плющом фасад ясно давали понять: это жилище давно в ужасном состоянии, а его ремонт и содержание требовали огромных средств, которых у Лосов не было.

Карета остановилась. Выйдя из неё первым, Краэри, к удивлению Тианы, подал руку не ей или матери, а своей мачехе. Глядя на их странное поведение, девушка заметила мимолетный, странно интимный обмен взглядами между наследником и молодой супругой его отца. Не желая заходить в дом, наполненный душной атмосферой и нездоровыми интригами, она обратилась к жениху.

– Краэри, не могли бы Вы показать мне свою лабораторию?

Краэри нахально усмехнулся, поправляя зализанные волосы.

– Я не какой-то там алхимик, дорогая. У меня целый цех с изобретениями, а не пробирочный уголок.

Но Тиана, взяв его под руку и настойчиво прижимаясь к нему грудью, настояла на своём.

– Тем более. Мне нужно вдохновиться.

Уступая её настойчивости, он лениво вздохнул, и проводил девушку в небольшую, отдельную от главного здания пристройку. Оказавшись внутри пристройки, Истрет, бросив взгляд на окружение, чуть ли не хрюкнула от того, что предстало перед глазами. Это было зрелище не гениальности, а отчаянного дилетантства. Наскоро слепленные ноги и корпуса автоматов, стоявшие без окончательной сборки, уже покрылись коррозией. На верстаках царил хаос: ржавые, разнокалиберные болты смешались с повреждёнными фокусирующими линзами и разбитыми кристаллами-накопителями, предназначенными для магических призм. Краэри, заметив её невольные эмоции, засмеялся.

– Ха! Это мой музей уродов, – заявил он, легкомысленно махнув рукой. – Идём дальше.

Пройдя в глубь пристройки, девушка увидела по истине необычайные творения. На чистом столе лежали металлические, отполированные части, сложно и точно выгравированные, но пока без корпусов.

– Я знаю, произвожу впечатление гнусного подлеца, – продолжил Краэри, теряя часть своей наглости. – Но всё, что ты здесь видишь, это единственное, что держит нашу семью на плаву. Да, есть нюансы, на которые нужно потратить уйму времени и средств, но...

Он потянулся в карман, достав какую-то маленькую, тусклую капсулу, и отправил её себе в рот.

– А это что? – нахмурившись, спросила Тиана. – Ты чем-то болен?

– Нет, что ты, – усмехнулся Краэри, облизывая губы. – Я же понимаю, зачем ты меня увела ото всех. Твоя мать, наверное, все уши прожужжала тем, чтобы быстрее раздвинуть ноги для меня. Просто знай, я не хочу детей, и их у нас никогда не будет. А эта капсула... гарантия того, что моё семя не сыграет должным образом.

И вот тут Тиана поняла, что план рухнул. Полностью. Внутренние страдания, горячим потоком хлынули наружу, заставляя руку, невольно прикоснуться к животу. В голове, под давлением необходимости, родился новый, противный и ненавистный ей план.

– Краэри, – резко сменив тон, сказала она. – Давай на ты, и поговорим серьёзно.

– Я всё сказал, детей у нас не...

Не дав ему договорить, Тиана топнула ногой.

– Да дослушай ты! Я беременна!

Краэри посмотрел на неё с отвращением, выразившимся в скривившихся губах. Потянувшись в карман, он достал флягу и направился к выходу.

– Лос, а ну-ка стой! – повысив голос, крикнула Тиана. – Я выбью у отца ещё денег, на твои изобретения, только дослушай и помоги мне.

Он замер, поднеся флягу ко рту, и сделав глоток, занюхал рукавом.

– Излагай.

– Через месяц, – начала она, чеканя каждое слово, – мы объявим, что я беременна. Ты отыграешь перед отцом, что всю жизнь ждал именно меня и хочешь от меня ребенка. И мы отправимся в путешествие. Долгое и ненужное, до тех пор, пока я не рожу. Родив ребенка в тайне, среди доверенных людей, я отдам его родному отцу. А главам семей, конечно же, скажут, что ребенок родился мертвым. И я готова заплатить ещё после того, как ребенка больше не окажется.

Краэри, выслушав этот холодный и циничный расчет, поднял бровь.

– А где гарантии того, что твой трахарь примет ребенка и не сдаст тебя?

– Не сдаст, и он не трахарь! – ответила Тиана, вновь топнув ногой. – Я скажу ему то, после чего он не захочет даже вспоминать обо мне. Но... я буду играть послушную жену столько, сколько скажешь. Лягу с тобой всегда, когда тебе это будет нужно, или если ты захочешь другую, я ни слова тебе не скажу, только молчи.

– А что будет, если ты в меня влюбишься? Знаешь, как говорят, стерпится – слюбится.

– Как говорят, поживём – увидим, муженёк, – усмехнулась Тиана, чувствуя прилив сил.

– Ну так что, поможем друг другу?

Краэри медленно кивнул, скрывая странную смесь уважения и отвращения.

– Мда. Звучит как сделка века. Я в деле. Но... ты же знаешь, что нам нужно сделать для твоей «беременности»?

Родив в чужом, безликом Коэноре, под присмотром лишь тех немногих, кому она могла доверять, включая Эрста, обеспечившего абсолютную тайну, она увидела дочь.

Приняв младенца впервые, она не хотела его отдавать. Горькая решимость, державшая её месяцами, испарилась в одно мгновение. Ей хотелось смотреть в эти, серо-голубые глаза бесконечно. Глаза Эугена. Цвет его души, прекрасный и чистый, теперь отражался в их дочери. Волосы – темные, унаследованные от него, но упрямые губы... были её.

– Я... Я должна ехать одна, – прошептала Тиана супругу, едва держа на руках свёрток.

Но Краэри, сохраняя своё странное хладнокровие, настоял:

– Я поеду с тобой. Я не питаю чувств к ней, но не хочу, чтобы ты навредила новорожденной, находясь в таком состоянии.

Всю долгую, ночную поездку до Ярнборга, Тиана молчала. Не проронив ни слова, она прижимала младенца к себе, наслаждаясь последними минутами материнства. Краэри, понимая эту боль, лишь однажды спросил:

– Ты придумала ей имя?

Но Тиана, отвернувшись к окну продолжала молчать. Подъехав ночью к знакомому дому Солов, она вместе с Эрстом, не привлекая внимания, подошла к дверям. Эуген открыл дверь, ещё до того, как она постучала, словно ждал. Увидев его измождённое лицо, её пронзила боль, пробив насквозь натянутую надменность. Она всё ещё помнила, как дрожали её руки, когда выпалила ложь, держа ребенка на вытянутых руках:

– Вот, она твоя. Если ты не возьмёшь, то я тотчас поеду к Нуулу и утоплю её.

Эуген, сжавшись всем телом, забрал младенца. Поворачиваясь, чтобы уйти, она услышала злобный крик, заставивший её остановиться:

– Ты даже имя не придумала?! Зазнавшаяся сука!

– Плевать, – отмахнулась она, не оборачиваясь. – Хоть свиньей её назови... в честь себя. Но сама, она уже пустила ручьи слез, сознавая всю мерзость сказанного.

– Чтобы никогда больше не появлялась здесь! – прокричал он ей вдогонку. – Она никогда не узнает, кем была её мать, но будет знать, что она была лживой мразью!

Карета поспешно уехала. Внутри, Краэри, пытался успокоить супругу, но она билась в истерике, горя по утраченному и ненавидя себя.

Эуген стоял в проёме, одинокий и оцепеневший, крепко прижимая к груди крошечный свёрток. Серо-голубые глаза, смотрящие на него без страха, были единственным утешением. Сзади подошел новоиспеченный дедушка, отвлекая его от удаляющегося звука копыт. Не говоря ни слова, алхимик, обхватил сына за плечи, и завел в дом.

Уже внутри, в полумраке кухни, Миика, переставив на стол остывший чайник, осторожно прикоснулся к младенцу, осматривая его с профессиональной нежностью.

– Она слабая, но здоровая, – пробормотал он, закутывая ребенка плотнее. – Ей нужно тепло и молоко, сын. И ей нужно имя.

Эуген, опустив голову, не в силах оторвать взгляда от ребенка, проронил пару слез, и поцеловал дочь в лоб. Ощущая слабый запах грудничка, он понимал, что эта крошечная жизнь, теперь – его единственная реальность.

– Я... я не знаю, – прохрипел он, от гнева и бессилия. – Она... она сказала...

Миика положил руку на плечо сыну, крепко сжимая.

– Ты не свинья, сын. И она не будет свиньей. Ты дашь ей имя. И оно будет прекрасным.

Эуген сделал глубокий, судорожный вдох, пытаясь унять дрожь.

– Я... я не знаю.

– Знаешь, – твердо сказал отец, со взглядом полным мудрости и сочувствия. – Жди здесь, сейчас приду.

Миика, не объясняясь, ушел в соседнюю комнату, и спустя несколько минут, вернулся, держа в руках старую, покрытую пылью, детскую книжку.

– Помнишь, я читал тебе, – начал он, листая истёртые страницы, – про двух сестер, про Иявен и Аиру. Прекрасные имена. Одна сильная, другая любопытная, но две, любящие друг друга сёстры.

Эуген задумался. Подняв глаза, он увидел отражение своего горя в глазах отца.

– Иявеенари, – выпалил он на одном дыхании. – Так будут звать мою дочь. Да? Ия. Иечка. Тебе нравится?

Но малышка лишь мерно посапывала, успокоенная теплом его рук, ещё не зная того, какие испытания ей подкинет жизнь, начавшаяся с горькой лжи.

Защищенная жертвой матери, Иявеенари должна была вырасти сильной. Вырванная из мира роскоши, она стала настоящим ребенком цеха, наследуя не только огненную страсть матери, но и алхимические познания отца. Эуген и Миика, принявшие на себя бремя родителей, растили её в любви, но ложь, подобно тонкой нити, незримо тянулась из прошлого, ожидая своего часа, чтобы разорвать тщательно построенный мир.

А сейчас, он сидел на том же самом кресле, что и почти двадцать пять лет назад. Сорокашестилетний Эуген, был уже не тем неразговорчивым парнем. Он стал настоящим, красивым мужчиной, обладающим симпатичной бородкой, обрамлявшей волевой подбородок. Его длинные черные волосы полностью поседели, но не от возраста, а от многих лет сложной алхимии.

Он держал в руках тот самый свёрток. Ткань, выцветшая и тонкая, хранила немой отпечаток той ночи. Малышка давно стала женщиной, и Эуген просто держал пустую ткань. Он был спокоен. Четверть века прошло. Дочь выросла. Ложь лежала глубоко в земле. Но он знал, что все его заслуги, его повышение до главы крупного алхимического цеха, были не совсем его. Он понимал, что Тиана, видимо, не позволив до конца уйти из его жизни, в тайне, продвигала его

по службе. И когда в девятнадцать лет выяснилось, что Иявеенари – не обладает магическими способностями, ей чудом нашлось место в управлении, и даже странно легко получила перевод в столицу. Он знал, что всё это время, она наблюдала за ними.

Стук в дверь, нарушил его воспоминания. Отложив свёрток, Эуген, на чьём лице читалась многолетняя сдержанность, подошел к двери и распахнул её. На пороге стояла – она. Её огненные волосы, всё ещё яркие, были уложены в строгую прическу, а дорогое, темное платье кричало о статусе. Прошлое, ударно и безжалостно, ворвалось в его настоящее.

Мужчина, словно статуя, замер в проеме, и просто смотрел на ту, которую когда-то проклинал и любил. Но придя в себя, он вышел наружу и закрыл за собой дверь.

– Здравствуй, Эуген, – голос Тианы прозвучал сухо, без единой интонации. – Мне нужно тебе сказать...

– Уходи, – отрезал он. Его челюсть сжалась так сильно, что на скулах отчетливо проступили желваки. – Я ясно дал понять, чтобы ты не приближалась к этому дому.

Женщина не шелохнулась. Её пальцы, до белизны сжавшие ручки дорогой сумки, выдавали напряжение. Сделав шаг вперёд и полностью игнорируя его тон, она заставила его смотреть ей в глаза.

– Ты должен узнать это от меня. Иявеенари...

Эуген инстинктивно напрягся, его лопатки коснулись дверного полотна.

– Погибла, – выдохнула Тиана. – Наша дочь мертва.

Эуген не вскрикнул. Он лишь слегка сузил глаза, вглядываясь в лицо женщины, в поисках безумия.

– Каковы обстоятельства? – его голос зазвучал пугающе обыденно. – В столице полевые эксперты на вес золота. Если это ошибка в бумагах...

– Сол, услышь меня! Ия мертва! – Тиана подалась к нему всем телом.

В порыве отчаяния её рука метнулась к нему, пытаясь ухватиться хотя бы за грубую ткань одежды, но Эуген судорожно отшатнулся. Женщина, потеряв равновесие, оступилась. Каблук скользнул по влажной весенней почве, и она тяжело рухнула на колени прямо в вязкую грязь двора.

Тиана не пыталась подняться. Несколько секунд она просто смотрела на свои испачканные ладони, погружённые в коричневое месиво. Затем её плечи начали мелко дрожать. Она зашептала, глядя в землю, словно каждое слово было признанием в преступлении:

– Я следила за каждым твоим контрактом... Каждую твою бумажку продвигала лично я. Чтобы у тебя были заказы, чтобы ты... чтобы вы не нуждались ни в чём.

– Я догадывался, – перебил он. – Каждый раз, когда сделка выгорала слишком легко, я чувствовал этот запах. Твой запах, Тиана. Кто дал тебе право лезть в мою жизнь? Ты купила себе спокойную совесть моими успехами?

– ПОТОМУ ЧТО АРИЕС СТЁР БЫ ВАС В ПОРОШОК! – её крик заставил птиц сорваться с деревьев. Она затряслась, глядя на него снизу вверх. – Если бы я не вышла замуж, отец не оставил бы вас в покое. Он бы посадил меня под замок, а ваше имя смешал с грязью. Он лишил бы тебя доступа в лабораторию, а Ию – будущего! Вам бы пришлось выживать в сточных канавах, если бы вы вообще смогли дожить до утра! Моё замужество было ценой за вашу возможность дышать! Ты думаешь, мне было легко говорить те слова? Ты думаешь, я хотела уходить?!

Она захлебнулась воздухом, и в следующую секунду её голос надломился, теряя ярость:

– Я сделала это, потому что любила тебя... и люблю до сих пор. Каждый проклятый день, я жила лишь мыслью о том, что вы живы.

Эуген замер. Его рука, всё ещё лежавшая на дверной ручке, заметно задрожала. Гнев никуда не ушёл, но к нему примешался липкий, холодный шок. Он смотрел на женщину в

грязи, и сквозь маску главы гильдии вдруг проступила та самая молодая девушка. Тиана глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь.

– Сол... прошу тебя. Давай поговорим. Я должна тебе всё рассказать... всё до последнего слова. Ты можешь не прощать меня, имеешь полное право ненавидеть до конца дней, но я хочу, чтобы ты знал правду.

– Где ты остановилась? – наконец выдал он, смотря куда-то поверх её головы.

– В своём поместье, – прошептала она, не смея надеяться.

– Я приду вечером. Жди. И... не сбеги снова.

Эуген медленно протянул руку, раскрывая ладонь. Тиана замерла. Она смотрела на его пальцы с таким выражением, будто перед ней возникло видение из прошлой жизни. Её дыхание перехватило, и она робко, боясь, что рука исчезнет, коснулась его кожи. Когда он помог ей подняться, женщина на мгновение оказалась совсем близко. Сквозь слой налипшей земли и чёрные борозды туши, на лице проступило нечто, чего он не видел двадцать четыре года: её губы, упрямые и дрожащие, несмело поползли вверх. Это была слабая, почти призрачная, но совершенно искренняя улыбка.

– Я не сбегу. Слышишь, я буду ждать... дни, недели, да хоть всю жизнь... Но Ия... Как ты можешь стоять здесь так спокойно, когда наша дочь...

Эуген тут же отёрнул руку, словно обжёгся о раскалённое железо.

– ИСТРЕТ, ПОШЛА ВОН! – ярость вновь вспыхнула в нём, заставляя её вздрогнуть и отступить на шаг.

Он зашел в дом и резко закрыл дверь. Обессиленно прислонившись к ней, он довольно улыбнулся. Сол, надеялся, что когда-нибудь этот день настанет. Нет, не её извинения, а то, что она скажет, что любит его до сих пор.

Его размышления прервали две девушки, выходящие из кухни с чайником и чашками.

– Пап, это кто был? Чего ты орал, как резаный? – спросила Иявеенари, пропуская вперед воительницу.

– А-а, это, – выдохнул он. – Тиана Лос. Сказала, что просрочила поставки реактивов. Пришла вот лично извиниться.

– Ого, – протянула Хазаами, ставя на стол чайник. – Лично Тиана Лос. А вы не простой мужик, господин Сол. И симпатичный такой.

– Хази! – резко одернула Ия, нахмурившись. – Ну хоть не к отцу моему.

– Ай, да это ж просто комплимент, – отмахнулась наемница. – Тем более его красота и тебе передалась.

Но тут Хазаами, поднеся палец ко рту, начала всё понимать, глядя в напряженные глаза Эугена.

– Тиана, говорите... ну-ну. Ладно, давайте уже пить чай, а то, до Виуденса нам его не видать.

Сол сел и, протягивая чашку к чайнику, спросил у дочери:

– Ия, а до каких пор мне делать вид, что ты погибла?

– Пап, пока я не скажу, – ответила Иявеенари, с серьёзностью уставившись на него. – Так что рот на замок. Дедушку я уже предупредила. Не переживай, мы не шпионы какие-то. Просто... пока так нужно.

Глава 2

Ночь, длинною в жизнь

Тисса не двигался. Он находился в Кармане – небольшом месте, которое не принадлежало ни одному из миров. Вокруг него простирался длинный, бесконечный проход, окруженный призрачными стенами из зеленой мерцающей дымки, которые препятствовали любому бегству. Он вёл счет. Внутри своей головы. Шаман считал каждую секунду, переводя их в месяцы реального времени. Год в Олкинэ был равен всего пяти минутам в этом измерении. Это означало, что каждая секунда, потраченная на движение, стоила бы ему двух месяцев жизни вовне. Тисса знал, что после шестой минуты, проведённой здесь, дорога назад будет ему закрыта – его физическое тело просто не выдержит такого.

Рядом, словно застывший ужас, стоял Духопий. Это была огромная, иссушенная женская фигура, скелет, обтянутый кожей, лишённый мышц.

Жизнь и движения, были под запретом в этом месте. Карман высасывал энергию, именно поэтому Тисса решился на этот отчаянный шаг, заточить себя здесь, вместе с монстром. Он надеялся, что его спасут. А Духопий тем временем ослабеет и погибнет, поскольку его силы будут истощаться быстрее.

Пока что оба противника были полны сил. Но Духопий не атаковал. Существо понимало, что даже малейшее агрессивное движение истощит его жизненные резервы.

Шаман, храбро и слегка неуклюже, стоял, внутренне отсчитывая десятую секунду, и неотрывно смотрел на чудовище. Его добродушный нрав был скрыт за стальной концентрацией. Они превратились в два неподвижных силуэта, запертых в безмолвном противостоянии.

В его распоряжении оставалось меньше пяти минут до точки невозврата. Смертельная тишина Кармана давила, требуя действия. Но почему-то вдруг, прямо перед его глазами, появился образ его родной матери. Воспоминание, которое он не мог воссоздать в голове, многие годы, было кристально чётким. Задорный голос, немного полноватой женщины, такой тёплый и знакомый. И отец, стоящий рядом с ней. Нет, не Рэян, а родной, щуплый, но такой сильный, учивший их с братом лазать по деревьям.

Реальность Кармана померкла и Тисса целиком провалился в воспоминание того, последнего дня с ними.

Снежный тракт, ведущий на восток от порта Шограт, был засыпан свежеснежавшим снегом. Тяжёлый фургон, установленный на широких санях, резко остановился накренившись.

Уринаэр – глава семейства, увидел камень в последний момент, и решил, что лучше уж наехать на него и починить полозья, чем пытаться развернуть сани прямо перед оврагом.

Его жена, с теплой улыбкой, покачала головой и заглянула под парусину.

– Эй, ребята, ну-ка быстрее помогать отцу!

Кин – старший сын, ловко спрыгнул на снег. А младший – Тисса, как обычно потеряв равновесие, полетел лицом прямо в сугроб. Мать хихикнула. Быстро отряхнув младшего от снега вместе с братом, она наблюдала, как оба, черноволосые и возбужденные, побежали к отцу.

– Гошподин Шиген! – прошепелявил восьмилетний Тисса, пытаясь сохранить важный вид. – Подкрепление прибыло!

– Ага, отлично! – улыбнулся отец. – Стало быть, в шесть рук мы одолеем коварные деревяхи. Господин Тиссаэр, назначаю вас главным по гвоздям! А вас, Кинаэр, – повернулся он к молчаливому старшему, – назначаю мастером-кузнецом, что достанет мне отличный молоток.

– Есть! – крикнули хором черноволосые братья и бросились за инструментами.

Детский топот быстро растаял в снегу, а из плотной чащи ельника, словно по команде, без предупреждения, вынырнули пятеро. Грязные, прокопчённые лица бандитов не выражали ничего, кроме тупой, хищной жадности. Без единого слова, они рассыпались, мгновенно набрасываясь на Уринаэра Шигена и его жену.

– Вот это улов! Баба, да какая сочная! – грубый голос, полный похоти, прозвучал над трактом. – Хлыща в расход, бабу с собой, свяжем, чтобы не поцарапала!

– В смысле, в расход? Чё, прям наглухо? – спросил высокий, с рваным ухом.

– Нет, понарошку! Конечно, наглухо, – ответил главарь.

Высокий выхватил тяжёлый кованый топор и замахнулся им над головой Уринаэра. Но глава семьи, несмотря на шуплость, не был хлыщом. Его рука, натренированная годами тяжёлой работы, мгновенно метнула в нападавшего ломик. Но промахнулся.

В этот критический момент из кузова, словно снаряд, вылетел молоток. Брошенный Кинаэром, инструмент угодил в лицо бандиту, забрав последние, передние зубы и окрасив снег кровью.

– Тва-айи! Кто это сделал?! Увью! – завопил он, упав.

Следом за молотком, крича что-то про «импершких швиней», от страха и ярости, выпрыгнул Тисса. Сжимая в маленьком кулаке гвоздь, он целился в глаз упавшего бандита. Не успев вонзить своё «грозное» оружие, мальчик получил мощный, ослепляющий удар кулаком от главаря и упал без сознания, завалившись в сугроб.

– Ты чё, обмудок, детей своих реш... – бандит, отмахнувшийся от Тиссы, не успел договорить.

Его собственные слова оборвались булькающим звуком: мать уже всадила коротенький кинжал прямо ему в горло. Фонтан тёмной крови брызнул на снег. Уринаэр, подобрав топор корчащегося от боли беззубого, мгновенно пробил череп третьему.

Двое бандитов были повержены. Но силы были всё ещё не равны. Бой был коротким и жестоким. Трое оставшихся бандитов, ощущая потерю товарищей и разозлившись на сопротивление, набросились на Шигенов с удвоенной силой. Родители сражались отчаянно, но недостаточно.

Отца застигли сзади: тяжелая дубина, схваченная из повозки, нашла цель на его голове. Уринаэр рухнул без звука. Матери вонзили меч прямо в висок, мгновенно лишив жизни.

– Вот же суки! Юмика убили, швали поганые! – проревел новый главарь, потирая плечо. – День говно, бабу не потрахал, да ещё и сына потерял. Всё из-за этих жалких торгашей! Эй, Эуверс, чё там, есть чё внутри у них? Ну, может, хоть пожрать? – окликнул он другого, поправляя рваный рукав.

Бандит, изучавший фургон изнутри, недовольно крикнул:

– Да нихера тут нет! Всё тряпьё! Цацки да ткацки какие-то!

– Бери с собой, авось продадим на ближайшем рынке, ткацки эти.

Третий, державший детей, спросил:

– Слышь, а с этими-то чё бум делать? – спросил третий, удерживая детей. – Пацанят я это, не смогу завалить.

– Хлебло тогда завали своё! – рыкнул главарь и присел на корточки перед мальчиками.

– Ну шо, шпана, кабзда предкам-то вашим. Один-два часа, и вы останетесь совсем одни на тракте. Ну чё, пойдёте в мой отряд? Научу, как сильным стать.

Кин, не проронив ни звука, плюнул ему прямо в лицо и попытался вырваться, но получил сильный удар в челюсть, поваливший его на землю.

– Короче, писюнов этих свяжите и в повозку, – скомандовал бандит, вытирая плевков рукавом. – И столкнём всё это дело в овраг. Выживут – молодцы. Всё равно к вечеру окочурятся от мороза. Это не убийство, это, считай, милосердие. Че, зенки вылупили? Давай, вяжи их!

Двое, выполняя приказ, грубо схватили Кина и Тиссу. Сперва они скинули бездыханные тела родителей в овраг. Затем наступила очередь мальчиков. Тугие веревки впились в запястья, связывая братьев по рукам и ногам. Их зашвырнули обратно в кузов фургона, откуда уже достали ткацкие рулоны. Следом головорезы толкнули фургон с силой. Грохот, скрежет полозьев по камням и ужасающий треск дерева заполнили воздух. Повозка, стремительно набирая скорость, соскользнула с обрыва. Братьев подбросило к потолку, а затем ударило о деревянный пол кузова. Тиссаэр почувствовал резкую, пронзительную боль в правой руке. Скуля от ужаса и боли, он провалился в небытие. Пелена забвения опустилась и на Кинаэра, голова которого сильно ударилась о жёсткую поверхность.

Первым, пришёл в себя старший. Трясаясь от невыносимого холода, он открыл глаза. Сквозь сгустившийся мрак он услышал истошный, приглушенный плач.

– Брат... что делать? – пролепетал Тисса, пытаясь сдержать рыдания. – Кин, у тебя голова в крови...

Старший присел, игнорируя тупую боль в затылке. Кровь, смешанная со снегом, медленно замерзала на висках.

– Попробуем развязаться, – прохрипел Кинаэр.

Они по очереди цеплялись зубами в туго затянутые веревки, сдирая губы и дёсны, но сил хватило только на «оковы» на ногах. Отчаяние нарастало. Тисса истошно завопил снова, не в силах справиться с ужасом и ноющей болью в сломанной руке. И тогда, Кинаэр посмотрел на него. Просто посмотрел. Тисса, увидев в этом взгляде добрый, но молчаливый сигнал, который часто давал им отец, мгновенно замолк. Взгляд брата говорил: нет времени на слезы.

– Давай попробуем забраться наверх, – сказал Кинаэр, переходя к действию. – Может, мамин кинжал остался.

– Кин, мы умрём шдешь! – вновь завопил младший, нарушая данное себе обещание. – Мы окочурямся!

– Успокойся! – в этот раз он закричал, его тихая ярость прорвалась наружу. – Я не допущу, чтобы ты умер! Я сам умру, но ты выживешь, понял меня?! А теперь пошли наверх!

Подчинившись приказу и подстегиваемый страхом, Тисса начал толкаться ногами, пытаясь придать повозке хоть какое-то движение. Кинаэр, стиснув зубы, попытался опереться на стену кузова, чтобы начать подъем, но резкое головокружение, ударило по голове с новой силой.

Зрение расфокусировалось, мир вокруг качнулся, и старший, потеряв опору, бессильно рухнул обратно на холодный пол. Он остался лежать, трясясь от холода, не в силах даже пошевелиться.

Тисса, увидев падение брата, замер. Осмотревшись вокруг, он не увидел ничего. Крошечная тьма, густая, как чернила, обволакивала овраг. На небе, что простиралось в разорванной парусине, не было видно ни единой звезды, ни луны. Ночь, лишённая света, усиливала чувство безнадежности. Дрожа от пронизывающего холода, младший вновь принялся за работу. Приподнявшись на локте и пуская слезы от боли в сломанной руке, он попробовал развязать верёвки Кинаэра. Слюни и кровь мешали, но он упорно цеплялся зубами за узел. Наконец, одна из нитей поддалась. Тисса исторг из себя облегчённый выдох. Кинаэр, почувствовав ослабле-

ние хватки верёвки, криво улыбнулся. Стараясь игнорировать тошнотворное головокружение, он продолжил взбираться вверх, отталкиваясь ногами от стены фургона.

– Подожди меня, не трать силы, – прохрипел он брату развязав его путы. – Я скоро... Мне аж жарко стало...

С этими словами, Кинаэр с усилием снял с себя свою тёплую, меховую шубу и кинул Тиссе.

– Накинь пока, – приказал он. – И не вздумай замерзнуть.

Младший проводил взглядом брата, ценой невероятных усилий взбирающегося по наклонной стене фургона. Кутаясь в большую, тёплую шубу, он чувствовал, как тяжело становится моргать. Веки налились свинцом. Казалось, что с закрытыми глазами становилось немного теплее, и он решил пока посидеть так. Но тепло было лживым. Онемение, начинавшееся в пальцах ног, быстро поднималось выше. Дрожь, долгое время сотрясавшая его, вдруг прошла. Вместо мучительного холода пришло приятное, успокаивающее тепло. Дыхание стало поверхностным, едва слышным. Тисса почувствовал неестественную сонливость. Ему показалось, что он лежит не на жёстком полу, а на мягкой перине, укрытый множеством одеял. Затем он услышал голоса. Знакомые, родные голоса.

Мать и отец сидели рядом, словно и не было никакого оврага и жестокой бойни. Они рассказывали сказку. Сказку, которую Тисса не слышал двадцать семь лет, но знал наизусть. Голос матери был задорным и тёплым, а голос отца – спокойным.

– ...И тогда, маленький медвежонок пошел к солнышку, – говорила мама, её голос звучал так близко. – А там ему было так уютно и...

Тепло, исходящее от голосов, наполнило всю его грудь. Мальчик почувствовал непреодолимое желание отправиться туда, к этому солнышку, где не было ни холода, ни боли.

Галлюцинации, сопровождающие последнюю минуту жизни, манили к покою. Тисса начал проваливаться. Медленно, неуклонно. Пока смерть убаюкивала его, в своих теплых объятиях. Кинаэр, истощенный травмой головы и борьбой, не смог добраться до верха, рухнув от бессилия и уступив морозу где-то на склоне оврага. Оба брата были мертвы, как и предрекали головорезы.

Спустя несколько часов, как всё семейство Шигенов испустило дух, под покровом ночи, в овраг, спустилась тигрица. Она осторожно обнюхала фургон, обнаружив тело младшего внутри. Затем, нашла старшего на снегу. Убедившись в гибели, зверь резко развернулся и пустился в путь. Снег хрустел под мощными лапами, пока она быстро взбиралась по крутому склону оврага. Достигнув тракта, Тигрица ускорила бег, направившись к лесу, где дожидалась её повозка. Одним прыжком, она приземлилась прямо в открытые сани. Превратившись уже в человека – высокую, красивую воительницу. Она тут же дёрнула мужчину, за черную косу. Он, поднял руку от маленькой спящей девочки у него на коленях, призывая к тишине.

– Рэян, вставай! – напряженно прошептала она, перекидывая пепельную косу через плечо. – Там на торговцев напали, все мертвы. Два мальчика... один в фургоне, другой на склоне. Может... получится их переправить в Дэлкинэ и...

Рэян уступавший жене в росте и стати, открыл глаза и устало посмотрел на неё.

– Нет, Энхцэ. Ты же знаешь, что с ними будет после воскрешения. Они должны будут тянуть нашу ношу. А что, если у них в роду не было Хранителей?

Супруга села, придвинувшись ближе к мужу, освещённая фонарем, висящим на палке.

– Больше тысячи лет люди сношаются, – прошипела она. – Я думаю, шанс того, что в их жилах течет ТА самая кровь, есть! А вдруг вообще кто-то из них Ткач? И что значит ношу? По-твоему, дочь тоже теперь «наказана»?

– Любовь моя, – ответил он, аккуратно положив спящую Реейшу, рядом. – Во-первых, мужчины не могут быть Ткачами. Только девушки, у которых есть...

– Да-да-да, не нуди! – перебила его Эхцэ, нетерпеливо махнув рукой. – Давай ребят спасать. Реейше нужны братья. А судя по тому, что я там увидела, братья будут стойкие. Не смотри так на меня, я говорила тебе – рожать я больше не собираюсь.

– Ладно, – бросил Рэян, уступая напору жены, и вышел из саней.

Сев рядом с саями на снег, он закрыл глаза. Шаман вошел в транс, чтобы поговорить с духами и получить добро на воскрешение мертвых мальчиков.

Резкий, как удар молнии, свист боли пронзил сознание Тиссы, вырывая его из воспоминаний. Шаман резко распахнул глаза. Духопий всё ещё стоял перед ним, наклонив свой продолговатый череп. Из пасти монстра разлило трупным холодом, и мерзкие слюни капали на мерцающий пол Кармана. Тисса перепроверил свой счёт. Минута – чуть больше двух месяцев, с момента, как он вошёл в эту ловушку. У них оставалось ещё четыре.

Внезапно он заметил мерцание – искажение воздуха в зеленоватой стене тоннеля. Затем сквозь дымку проступили силуэты.

– Ну что, красотка, не скучай тут, – прошептал шаман, на губах которого появилась измученная улыбка. – Тут, ненаглядная моя пришла.

В призрачной стене появилась узкая брешь, нарушая законы измерения. И первое, что Тисса увидел, были резкие, яростные фиолетовые вспышки света, летящие к ним.

Фургон, крепко держащийся на колесах, плавно катил по знаменитым мощным трактам Виуденса, уже несколько дней. Запах талого снега и свежей земли ознаменовал победу весны. Грязные, некогда белые сугробы, были напоминанием о минувшей зиме, кучками ютятся в тени деревьев.

Внутри фургона, укутанные в меховые накидки, спали три девушки. Хазаами и Реейша, как-то сползли на ноги Иявеенари, прижавшись друг к другу. Ия, спала сидя, облокотившись о борт, словно охраняя их сон.

На козлах сидели Рэян с сыном. Они периодически менялись в дороге, и сейчас рукоять поводьев лежала в крепкой ладони Кинаэра. Глава семейства, передав ему бразды правления, сладко потянулся и достал из-за пазухи свою любимую трубку. Прикурив, он выдохнул дым, создавая в прохладном утреннем воздухе причудливые, тающие узоры.

– Сын, вот скажи мне, пожалуйста, – начал шаман, размеренно кивая головой в такт шагу лошадей.

– Отец, я знаю этот тон, – отозвался Кинаэр, ровно держа поводья. – Даже не начинай.

– А я начну! – настаивал Рэян, положив трубку. – Вот смотри, считаю по пальцам. Вернада, Ариката, Анайт, Хазаами... у меня остался один палец. И совсем немного терпения.

– Пап, ну я же прос...

– Когда я увижу внуков?! – оборвал его Рэян. – Ладно, с Хази и так всё сразу было понятно. Весёлый нрав, без обязательств. Но вот Анаит. Ты же понимаешь, что, когда мы приедем, она тебе не даст спокойно вздохнуть. Девушка-то она хорошая, но...

– Вот именно, что, но. Она мне как сестра, – Кин тяжело вздохнул. – Ну не могу я, её вот так.

– Ага, «не могу». Года два вы «не могли». Но я не про это, я про новенькую нашу. Я не такой дурак, чтобы не замечать, того, как вы друг на друга смотрите.

Кинаэр улыбнулся, его взгляд потеплел. Он кивнул вперед и указал рукой.

– Смотри, уже почти приехали. А что до внуков, – добавил он, бросая взгляд на спящих девушек, – то меня уже опередили.

Не дав отцу возможности спросить большего, Кинаэр лязгнул поводьями, понукая лошадей. Фургон резко прибавил скорость. Особняк Тохаэйро, уже был отчётливо виден на горизонте. Дорога вела их мимо протянувшихся вширь виноградников. Справа и слева тянулись чистые, аккуратные постройки винодельни. Первыми, взгляд притягивали длинные, низкие амбары, сложенные из светлого камня, где хранились бочки. Они были идеально выровнены, вентилируемые, с маленькими слуховыми окнами под самой крышей, чтобы сохранить идеальную температуру. Дальше располагались здания прессовки – высокие, с массивными деревянными воротами, пахнувшие сухим виноградом и старой древесиной. Рядом с ними находились небольшие каменные дома для рабочих, с пристроенными верандами и чистыми, выскобленными до блеска скамейками. Всё здесь дышало достатком и строгим порядком.

Наконец, повозка остановилась у кованых, величественных ворот особняка, возвещая о прибытии. Кинаэр спрыгнул на мощеную брусчатку, ловя на себе удивлённый взгляд отца, переваривающего намёк. Свет в окнах особняка не горел, только тускло светящиеся уличные фонари, освещали влажный камень.

Обойдя повозку, мужчина откинул задний борт, скрывавший спящих девушек. Ия, почувствовав малейшее изменение в движении, резко открыла глаза. Увидев тёмный силуэт в проёме, она мгновенно отреагировала. Кинжал, сверкнув в полумраке, полетел прямо за Кинаэра. Мужчина перехватил его в полёте, успев остановить лезвие, буквально в сантиметре, от лица незнакомой девушки, замершей за его спиной.

– Иявен, спасибо, что ты всегда начеку, – спокойно сказал он, возвращая кинжал. – Но здесь только друзья. Знакомься, это Анаит. Она – Мастер Ароматов винодельни, отвечающая за создание новых букетов, и шаманка... которая до сих пор думает, что умеет бесшумно подкрадываться.

Анаит выступила из тени – высокая, с копной огненно-рыжих волос, разметавшихся по плечам. Свободный тёмный балахон скрывал фигуру, а неверный свет фонаря ложился резкими тенями на лицо, подчеркивая острые, сильно выдающиеся скулы.

– Ой, прости пожалуйста! – быстро проговорила ведьма, прикрыв рот рукой. – Я решила, что это просто ночная остановка, и...

– Ничего страшного. Но я рада видеть, что новая Вару всегда бдит, – сказала Анаит, положив руку на плечо Кинаэра.

– А она не Вару. Это Иявеенари, наша Ткачиха, – с хитрецей в глазах сказал подошедший Рэян.

Шаманка не удивилась, но принялась изучать девушку с явной, нескрываемой ревностью. Ия, не обращая внимания на изучающий взгляд, принялась будить подруг. Когда Анаит встретила взглядом с проснувшейся Хазаами, чья алая радужка блеснула в темноте, на лице шаманки пробежала тень неприязни.

– Рэян, можно тебя на секундочку?

Отойдя в сторону, чтобы девушки не слышали, она зашипела:

– Так серьёзно выбрал её? Она же убийца! Ты видел её глаза? Ты же знаешь, какую цену платят за такой цвет, у неё небось и меч с рунами есть! Кого она принесла в жертву?

– Анаит, угомонись, прошу, – шаман устало потер виски. – Ты, как всегда, сперва говоришь, а потом думаешь. Не цепляйся пожалуйста к девочке, не зная всего. Никого она в жертву не приносила.

– Но Рэян, её глаза...

– Что мои глаза? – раздался хриплый голос Хазаами, севшей на край телеги. – Красивые, да? Хочешь такие же?

Шаманка проигнорировала колкость, всё ещё не в силах отвести взгляд от запретного цвета.

– Очень красивые, – медленно произнесла она. – Стало быть, ты, новая Вару?

– Ага, она самая. Хазаами Лау, – девушка спрыгнула с телеги и протянула руку.

– Анаит Нэксен, – ответила рыжеволосая, пожимая ладонь. – Приятно... Стоп. ЛАУ?!

Ты потомок Дагз?

Бывшая наёмница, которой, казалось, было глубоко плевать на родство, откровенно скучая, вытянула губы трубочкой. Убрав руки за спину, она начала неторопливо раскачиваться, перекатываясь с пятки на носок, словно маленький ребенок, ожидающий, когда взрослые закончат болтать.

– Ну да, мы же все чьи-то потомки. – она почесала затылок. – Ну так что, мы сегодня поспим в нормальных кроватях, или ручкаться до зари будем? У меня уже вся шея затекла. Ляжки у Ии, конечно, хороши, но я уж лучше на подушке полежу.

– О да, мягонькие ножки у нее, – бросила Реейша, ловко спрыгивая с телеги, не глядя на шаманку. – Привет, Анаит. Как рука? Не беспокоит?

– И тебе привет. Рея. Всё хорошо, – невольно коснулась запястья Мастер Ароматов.

Дочь Рэяна, не дожидаясь ответа, уже принимала мешки, которые ей передавала ведьма.

– Ладно, – Анаит отвлеклась. – Ваша Вару права. Идемте в дом.

Она наблюдала, как Кинаэр подал руку Иявеенари, помогая той спуститься из высокого кузова. Этот галантный жест вызвал у шаманки небольшое раздражение. Она молча повела их вперёд, присоединившись к Рэяну.

Они миновали кованые ворота, ступив на широкую, вымощенную камнем дорожку, ведущую к главному зданию. Хазаами, идущая вровень с Реейшей, заметила, как Анаит, идущая впереди, странно держалась за левое запястье.

– Слышь, – тихо спросила она, кивая на рыжеволосую. – А что у неё с рукой?

Реейша тихо фыркнула, едва сдерживая смехок.

– А, это. Я ей сломала.

– Да ладно? – глаза Хазаами восторженно округлились.

– Ага. Она к Тиссе моему клеилась.

Хазаами прикусив губу, подавила радостный смех. Она по-дружески толкнула Рею плечом.

– Подруга, ну ты с каждым днем растешь в моих глазах.

Девушки тихо засмеялись, ловя на себе вопросительный взгляд Ии, обернувшейся на шум, но они лишь отмахнулись. В тишине ночи, группа пересекла просторную каменную веранду, украшенную спящими виноградными лозами, тянущимися до самой крыши. Анаит толкнула массивную дверь. Скрипнув, та открылась, впуская их в прохладный, сумрачный холл особняка.

С неподдельным удивлением Ткачиха оглядела холл, поразившись тому, что здание имело четыре этажа. Повсюду висели магические светильники, обеспечивая ровный и мягкий свет. Стиль не кричал о роскоши, но был безупречно чист и притягателен.

– Иявен, Хази, ваши комнаты на втором этаже, в конце коридора, – сказал Кинаэр, скидывая на плечо тяжелый мешок. – Давайте я вас провожу, а затем покажу, где баня.

Хазаами облокотив свой меч о стену, сделала решительный шаг вперёд.

– Нафиг подушку, давай лучше сразу в баню!

– Согласны! – хором ответили Реейша и Ия.

– Хорошо, – продолжил мужчина, взваливая второй мешок. – Но всё же, давайте сперва отнесём вещи.

Они двинулись к лестнице. Стены, выкрашенные в спокойные тона, были гладкими, а массивные двери комнат плотно прилегали к косякам. Поднимаясь по лестнице, они услышали громкий, утробный храп, доносившийся из-за одной из дверей.

Оказавшись на втором этаже, Реейша, Рэян и Анаит пошли выше, а Кинаэр провёл девушек до их комнат. Хазаами вошла сразу, огляделась и громко присвистнула от удовольствия. Тут же закрыв за собой дверь, scomандовав изнутри:

– Собираемся вниз через пять минут!

Кинаэр открыл дверь напротив и занёс вещи ткачихи.

– Тебе помочь устроиться? – спросил он, ставя мешок на пол.

– Спасибо, да я сама... – начала Ия, мысленно ругая себя, и оглядела комнату, в поиске повода задержать его. – Хотя знаешь... можешь вещи на верх шкафа закинуть? Я-то, не достану.

Мужчина скрыл улыбку, уловив её неловкую попытку, и вошел в комнату. Открыв шкаф и закинув мешок, он присел, выдвигая нижний ящик.

– Здесь постельное бельё, и ваши всякие женские штуки: туши, помады, впитывающие ткани...

– А это для меня подготовили, или это была чья-то комната?

– И да, и нет. У нас три вида комнат. На втором этаже – одиночные, на третьем – семейные, на четвёртом – для тех, кто постарше. У тебя и Хази стандартная комплектация девичьей комнаты.

– Кин. Странно как-то. Для людей в возрасте, я бы сделала комнаты внизу, на первом... – произнесла девушка, пытаясь скрыть своё волнение за рациональным замечанием.

– Мы тоже так всегда говорим, – он усмехнулся. – На что получаем вечное негодование, что «мы не старые, всё хорошо».

– Стало быть, твоя комната тоже на этом этаже? – сделав шаг навстречу мужчине, спросила Ия.

– Да, у лестницы, дверь с рисунком. Мы с Тиссой ещё мальчишками её изрисовали.

– Поняла, ну... тогда спасибо. – девушка, не зная, куда деть руки, слегка дёрнула плечами.

– Пожалуйста. Переодевайтесь. Вход в баню через заднюю дверь на первом этаже. Я тоже скоро приду.

Щёки Ии запылали. Смущение мгновенно взяло верх. Она быстро подошла к окну, уставившись в темноту, чтобы не выдать вспыхнувшего румянца.

– А у вас что, одна баня на всех?

– Нет, конечно. Вход один, а там разделяется на мужскую и женскую части.

– А семейные? – смущённо улыбнулась она, бросив на него быстрый, манящий взгляд из-под ресниц.

– Нет, – усмехнулся Кин, поймав её игру. – Только два вида. Ладно, встретимся позже, располагайся.

Мужчина постоял секунду, чувствуя неловкое, но приятное напряжение между ними. Оба тяготели друг к другу, но боялись сделать первый явный шаг. Затем, получив одобрительный кивок и собрав волю в кулак, Кин покинул комнату.

Закрыв дверь, и услышав, как девушка поспешно повернулась от окна, и выдохнула, он сделал шаг в сторону, намереваясь пойти к своей комнате, но тут его подстегнуло звериное чутьё. Инстинкт, опережающий мысль, заставил его резко отскочить. В то место, где он стоял мгновение назад, врезался снежный барс, вылетевший из ниоткуда. Не теряя ни секунды, атакующий хищник, оттолкнувшись мощными лапами от стены, вновь кинулся на Кинаэра. Но сын Рэяна был готов. Подернувшись дымкой трансформации, он прямо в прыжке сменил облик на звериный. Два крупных ирбиса сцепились в воздухе. Коридор наполнился звуками борьбы: глухим рычанием, шипением и стуком когтей по паркету. Хищники швыряли друг друга, били лапами, извиваясь в акробатических пируэтах.

Двери комнат распахнулись. Хазаами и Ия, выглянувшие на шум, вопросительно переглянулись и, синхронно кивнув, продолжили смотреть на эту дикую игру. Это были настоящие салки. Барсы, словно игнорируя гравитацию, неслись по коридору, отталкиваясь от стен,

едва не задевая магические светильники. Второй ирбис, чьи глаза светились ярким, янтарно-желтым светом, отчаянно пытался настичь Кинаэра, но тщетно. Кин, более ловкий, уходил от погони, словно играючи, оставляя соперника позади на каждом повороте. Ия, встревоженная таким буйством, сделала порыв выйти, чтобы остановить схватку, но Хазаами, подняв руку, остановила её. Она наблюдала за беготней с широкой, довольной улыбкой, прекрасно понимая природу этой «драки».

В какой-то момент, желтоглазый ирбис, осознав, что угнаться за Кином ему не по силам, сменил тактику. Резко затормозив, он направился напрямик к девушкам. Совершив последний прыжок, зверь приземлился прямо перед Хазаами и, коснувшись лапами пола, принял человеческий облик.

Перед ними возник мужчина. Улыбнувшись новой Вару, он приветственно поклонился, но замер, задержав голову внизу. Его взгляд уперся в острие меча, направленное прямо на его детородный орган.

– А ты быстра, – нервно сглотнув, произнес он, поднимая руки и поправляя распущенные светлые волосы. – Я Ройс, рад вас видеть в нашей скромной обители.

– Скромной? – томно спросила Хазаами, не убирая меч и слегка наклонив голову. – У меня в комнате ванна вообще-то.

Ия выглянула из-за спины нового знакомого, прожигая воительницу взглядом.

– ВАННА!?

И тут же повернулась к синеглазому ирбису, который медленно и вальяжно шёл к ним по коридору, помахивая длинным хвостом.

– Кинаэр Хото! – возмущенно воскликнула она, уперев руки в бока. – А почему у меня нет ванны? Что за дискриминация Ткачих?!

Вернув человеческий облик, Кин лишь виновато пожав плечами под строгим взглядом девушки. Ия, тяжело вздохнув, лишь махнула рукой, принимая поражение в этой маленькой бытовой битве.

– Ройс, это Хазаами и Иявеенари, – представил спутниц сын Рэяна. – А ты чего не спишь?

– Уснешь тут, – фыркнул он, потирая переносицу. – Я уже месяц пытаюсь понять, где именно находится Карман. Голова кругом. Вот, пошел чай себе сделать, чтобы хоть как-то взбодриться. Кстати, ледари, не желаете ли? У меня такое сочетание, даже Рэян такого не готовит.

– Спасибо, но после бани, – ответила Ия, устало облокотившись о стену. – А лучше, когда отоспимся.

– Ладно, не мешай им, мы устали с дороги, – вмешался Кинаэр, жестом приглашая товарища следовать за собой. – Пошли, покажешь карту.

Ройс, аккуратно, кончиком пальца отодвинув от своего паха лезвие всё ещё направленного на него меча, учтиво поклонился сперва Хазаами, затем Ие. Развернувшись, он пошел по коридору вместе с Кином, обсуждая на ходу детали поисков.

– Три минуты, подруга, – сказала Хазаами, убирая оружие и ловя подмигивание ведьмы. – И мы наконец-то смоем эту дорожную грязь. Кстати, а что такое «ледари»?

– Мы же в Виуденсе, забыла? – искренне удивилась ведьма, провожая взглядом мужчин. – Здесь вежливое обращение к девушке – это «ледари», заменяющее наше привычное, ниосийское «мисс». Если хочешь, могу больше рассказать. Не скажу, что сильна в глубинной истории этого края, но некоторыми важными аспектами с радостью бы поделилась.

– Вот знаешь, – тепло начала она, без привычной язвительности. – Будь на твоём месте кто-то другой, я бы рыкнула, чтоб не лезли, что я не дура и сама разберусь. Терпеть не могу умников. Но ты... мне и правда очень захотелось послушать.

Тяжелая дверь плотно закрылась, отсекая прохладу предбанника и погружая девушек в обволакивающее, влажное тепло. Просторное помещение, оббитое темным, пахнущим смолой кедром, дышало жаром. В углу, гудела сложенная из камня печь, внутри которой алым свечением пульсировали раскаленные булжники. Тусклый свет магических кристаллов, встроенных в стены, едва пробивался сквозь густой, молочный пар, создавая атмосферу уединенности и покоя. Хазаами, оставив одежду в предбаннике, с наслаждением растянулась на самой верхней, широкой полке. Улегшись на живот и положив голову на руки, она прикрыла глаза, позволяя жару проникать в каждую мышцу, уставшую от долгой дороги. Ия, не решившись сразу лезть в самое пекло, устроилась на нижней скамье, подобрав под себя ноги и откинув назад мокрые от пара волосы.

– Значит, «ледари»... – лениво протянула лежащая наверху, не открывая глаз. – Звучит как-то... мягко.

– Мягко? – отозвалась Иявеенари, зачерпывая деревянным ковшом воду из кадки. – Виуденс – это не просто страна, это, по сути, огромный военный лагерь. Здесь уважение нужно заслужить силой или дисциплиной. «Ледари» – это не просто вежливое обращение к женщине, это признание её статуса, почти как «госпожа офицер».

Она плеснула воду на камни. Раздалось громкое шипение, и облако горячего пара, вырвавшись из печи, устремилось к потолку, заставляя девушку на верхней полке блаженно выдохнуть.

– У них даже короля нет, – продолжила Ткачиха, наблюдая как пот катиться по груди. – Страной правит Совет Полководцев в столице, Кальдхайме. Каждый из них представляет свой род войск. Военная олигархия в чистом виде. Если в Ниосе мы ценим науку и торговлю, то здесь валюта – это сталь и приказ.

– Скукотица, – пробормотала Хазаами, чья спина уже начала блестеть от влаги. – А как же магия?

– Боевые маги здесь – элита. Но в отличие от нас, привыкших к твердости земли, в Виуденсе преобладают маги воздуха. Управление Магии, муштрует их сразу, после выявления способностей. И если наш обычный маг воздуха, это просто человек в системе, то у них это в первую очередь солдат. Представь себе такого, который не просто бьет мечом, а ускоряет себя ветром.

– Звучит уже веселее, – усмехнулась воительница, пошевелив плечами. – С такими я бы подралась.

– Поверь, у них хватает практики, – Иявеенари снова потянулась к ковшу, но на этот раз просто помешала воду, задумчиво глядя на рябь. – Они уже двадцать лет удерживают позиции на западе, в грызне с Империей Грарес.

– Это за тот кусок земли? Спорные земли? Там что урожая хорошие?

– Там не в урожае дело, – понизив голос, пояснила сидящая внизу. – Спорные земли – это долина вечных эманаций, её еще называют долиной Танцующих Искр. Это место, где магический фон настолько стабилен, что земля там буквально пропитана сырой энергией. Виуденсу она нужна для закалки их особого металла – вихревой стали, ну и призмы, куда без них. А Грарес... ну, им просто нужно всё.

– Значит, мы продаем им зерно, а они нам – этот металл? – уточнила Хазаами, поворачивая голову набок, чтобы видеть собеседницу.

– Именно. Мы – старший союзник, кормим их армию, а они поставляют нам руду и технологии обработки. Кстати, – Ия улыбнулась, вспомнив еще одну деталь, – ты заметила, что у них почти нет деревянных домов? Даже в деревнях строят из камня. Говорят, это пошло с древних времен, когда маги ветра учились, снося всё, что было недостаточно крепким. Так что,

если увидишь покосившуюся хибару – знай, здесь живет либо очень плохой маг, либо очень смелый человек.

Девушка на верхней полке хрипло рассмеялась, но тут же закашлялась от густого пара.

– Ладно, учитель, – прокряхтела она, приподнимаясь на локтях. – С историей пока хватит. Поддай-ка еще жару, а то у меня ощущение, что дорожная грязь въелась прямо в кости.

Не успела ведьма ответить, как дверь отворилась, впуская клубы прохладного воздуха. На пороге, совершенно нагая, возникла Реейша. Привыкшие видеть её исключительно в просторных и свободных, мешковатых одеждах, подруги на мгновение замерли.

Будучи заметно ниже остальных ростом, дочь Рэяна обладала фигурой небывалой силы и женственности. Сверху она оставалась лёгкой и девичьей: узкие плечи, тонкая талия, небольшая аккуратная грудь. Но ниже талии тело менялось резко и властно – широкие мощные бёдра переходили в крепкие рельефные ноги с чётко очерченными икрами и высокие, идеально округлые ягодицы, тугие и налитые, которые гордо выступали назад, приковывая взгляд своей совершенной, вызывающей формой. Этот разительный контраст с общей миниатюрностью выдавал в ней не просто девушку, а тренированного бойца.

Иявеенари, оценив открывшийся вид, громко и восхищенно присвистнула, отставив ковш в сторону.

– Госпожа офицер, – тут же выпалила Хазаами, бесцеремонно оглядывая вошедшую, – да об твой орех руку можно сломать!

Реейша, даже не подумав смутиться под их перекрестными взглядами, лишь хищно улынулась, демонстрируя полное безразличие. Сделав шаг вглубь парной, она ловко достала из-за спины пышный березовый веник.

– Давай-ка я твой орешек отхожу, – парировала она, многозначительно встряхивая листвою.

– Да начнется пытка! – воскликнула Хазаами, с готовностью распластываясь на деревянном полке.

Рея, не заставляя себя ждать, принялась за дело. Березовый веник в её руках превратился в инструмент ритмичного истязания: сперва она нагнетала жар, круговыми движениями захватывая горячий воздух у потолка, а затем резко опускала листву на спину подруги. Листья, распаренные и душистые, с хлестким звуком впечатывались в кожу, оставляя после себя красные, пылающие следы. Парная наполнилась запахом дегтя и леса.

– Мужчины, кстати, не ледари, они – илари, – заметила Ия, продолжая с нескрываемым интересом изучать Реейшу. – Ладно, ты права, Хази, хватит истории.

Ведьма слегка повернулась к орудующей веником девушке, стараясь поймать её взгляд сквозь густой пар.

– Рея, ну ты как, сказала отцу уже?

– Пришлось, – процедила дочь Рэяна сквозь зубы, вкладывая в очередной удар чуть больше силы, чем требовалось. – Старшой поднабрал мне. Я хотела, чтобы Тисса узнал первее Рэяна, но этот длинноволосый болтун всё испортил.

– Скучаешь по нему? – тихо спросила Ия.

– Невыносимо, – на мгновение рука с веником замерла в воздухе, но тут же продолжила движение. – Но я привыкла переживать только в голове. Не люблю, когда остальные видят мою ранимость.

– Сильная ты баба, – глухо донеслось с полки, из-под града ударов. – При первой встрече еще поняла. Но если держать все очень долго в себе, потом это дерьмо так выльется наружу, что хрен заткнешь... по себе знаю.

Реейша замерла. Её спина напряглась, а челюсти сжались до скрежета. Иявеенари заметила, как она быстрым, почти невидимым движением смахнула выступившую предательскую

слезу, смешавшуюся с потом на щеке. Однако уже через секунду она с удвоенной яростью продолжила хлестать спину Хазаами, загоня боль обратно в глубину души.

– Девчонки, спасибо вам, но как-нибудь в другой раз. Я лучше разревусь в объятьях мужа... после того как оторву голову сраной твари и Вейле.

– Кстати о Вейле, – раздался прохладный голос от входа.

Дверь приоткрылась, и в клубах пара возникла Анаит. Шаманка, в отличие от остальных, не щеголяла наготой – её тело было целомудренно обернуто в тонкую ткань, скрывающую всё от груди до колен. Рыжеволосая шаманка обвела присутствующих взглядом, в котором читалась нескрываемая, ядовитая зависть. Её глаза скользнули по округлым бедрам и налитой силой фигуре Реейши, по женственным изгибам Ии, по мощной спине Хазаами. Сама же Анаит, болезненно худощавая, с острыми ключицами и тонкими руками, на их фоне казалась иссушенной веткой винограда.

– Сон отменяется, – жестко произнесла она, отгоняя мысли о чужой красоте. – После завтрака мы обсудим её поимку на совете.

Реейша, стоящая к ней спиной, злобно улыбнулась, не прерывая работы веником.

– Конечно, какая-то самоучка важнее собственной семьи.

– Рея, – в голосе Анаит прозвучали предостерегающие нотки. – Вызволение Тиссаэра у нас на первом месте. И пока Ройс будет искать его местоположение, мы обсудим Отреченную.

Дочь Рэяна медленно обернулась, опуская веник и жестом указала на свободное место:

– Прошу, давай и твои косточки попарим.

– Сперва покажи Ткачихе, на что ты способна, а то... – шаманка кивнула на лежащую фигуру. – Вару, чувствую, ты уже одолела.

Реейша недоуменно нахмурилась и наклонилась к Хазаами. Разморенная жаром и ритмичными ударами, воительница мирно спала, совершенно не реагируя на происходящее.

– Дела-а, – протянула Реейша, уперев руки в бока и глядя на мирно сопящую подругу. – Теряю хватку. Ну давай Ия, запрыгивай. Смена караула.

Ияveenари с радостью подскочила. Зачерпнув полный ковш, она щедро выплеснула воду на раскаленные камни, вызывая новый взрыв шипящего, обжигающего пара. Затем, ловко вскарабкавшись на верхнюю полку, ведьма растянулась во весь рост, заранее расплываясь в блаженной улыбке от первых, пробных касаний горячей ливы.

– Вообще, я зашла извиниться перед ней, – тихо произнесла Анаит, прислонившись плечом к теплому кедру и не сводя глаз с мощной спины спящей. – Сперва я решила, что она хладнокровно убила родича ради силы, как того требует запретный ритуал. Но всё оказалось гораздо ужаснее. Удивляюсь её выдержке.

Лежащая на полке Ия, повернув голову, посмотрела на воительницу. Сквозь густую пелену пара Ткачиха увидела, как Хазаами, не открывая глаз и, казалось бы, пребывая в глубокой дремоте, дрогнула ресницами. Одинокая, никому больше не видная слеза скатилась по её щеке, тут же растворяясь в ручьях пота, скрывая минутную слабость железной девы.

Глава 3

Тяжесть пера. Часть I

Септивик¹914г.

Ветер, насыщенный ароматами прелой листвы и приближающимися холодами, бесцеремонно врывается в открытые оконные проемы дилижанса. Скрип дышла и мерный стук копыт по грунтовой дороге убаюкивали пассажиров, возвращающихся с большой осенней ярмарки в Порту Шограт.

Хазаами сидела у самого борта, подставив лицо прохладному потоку воздуха. В простом, но опрятном льняном платье с вышивкой, которое мать заставила надеть «на выход». Светлая ткань подчеркивала густую, перекинутую через плечо косу цвета ночного неба. В тени её волосы казались чёрными, но при малейшем движении в них проявлялась глубокая, насыщенная синева. Этот темный, ореол создавал удивительный контраст с её взглядом: стоило девушке повернуться к свету, как её глаза вспыхивали чистым, небесно-голубым сиянием, напоминающим летнее небо над Ниосом.

Рядом, укутанная в шерстяную шаль, дремала её мать, Аани. Мягкая, полноватая женщина с добрым лицом, периодически вздрагивала на ухабах, поправляя стоящую на коленях корзину с покупками.

– Не высовывайся так, Хази, – сквозь сон пробормотала она, не открывая глаз. – Ветром надует, будешь потом кашлять, как старые меха в кузне отца.

– Не надует, мам, – тепло улыбнулась дочь, но послушно отпрянула от проема. – Воздух сладкий. Домом пахнет.

Напротив них, вальяжно вытянув ноги, сидел молодой парень. Светловолосый, широкоплечий, в добротной кожаной куртке, он всю дорогу не сводил с Хазаами пристального взгляда. Торн, сын старосты деревни Нуал. Местный красавец, о котором тайком вздыхала половина девушек в округе. И Хазаами, несмотря на свою внешнюю сдержанность, не была исключением.

– Скучаешь по дому или кузнице? – вдруг спросил он, сверкнув улыбкой, от которой сердце девушки пропустило удар.

Хазаами посмотрела на него, стараясь скрыть смущение.

– По тишине, – ответила она, поправляя выбившуюся прядь. – На ярмарке слишком громко. Все кричат, торгуются...

– Это потому, что там жизнь кипит, – Торн чуть подался вперед, оперевшись локтями в колени и понизив голос до бархатного полупшепота. – А в нашей деревне тоска зеленая. Но... с такой попутчицей даже пыльная дорога кажется интереснее.

Девушка зарделась, опустив ресницы. Ей нравилось это внимание. Торн смотрел на неё уверенно, даже дерзко, и от этого взгляда внутри всё сладко сжималось.

– Кстати, я давно хотел спросить, – продолжил он, не меняя тона. – Твое имя... Хазаами. Звучит не по-ниосийски. Немного странно для наших краев, но красиво.

Аани, услышав разговор, окончательно проснулась и, гордо выпрямившись, вступила в беседу:

¹ Септивик – первый месяц осени.

– Это старое весийское имя, молодой человек. Мой муж, Гунд, чтит корни моих предков.

– И что оно значит? – не отрывая взгляда от голубых глаз, спросил сын старосты.

– Перо, – тихо ответила Хазаами. – Совиное перо, если точнее.

Торн усмехнулся, его взгляд скользнул по её шее и плечам.

– Перо? Тебе подходит. Ты кажешься такой же... легкой. Нежной. Словно дунь – и улетишь. Или упадешь прямо в руки.

Хазаами фыркнула, пытаясь вернуть себе привычную уверенность дочери кузнеца. Ей хотелось показать, что она не очередная простушка, тающая от комплиментов, хотя дыхание предательски сбилось.

– Не советую дуть, Торн, – с лукавой искоркой в глазах парировала она. – Перо может быть легким, но на стреле оно направляет стальной наконечник точно в цель. А я дочь кузнеца, не забывай. Могу и молот поднять, если надо.

Парень рассмеялся, и его смех, густой и уверенный, заполнил тесное пространство дилижанса.

– Точно, ты же у нас, характером. Люблю таких. Не скучных.

Полез в карман, он достал красное яблоко, натертое до блеска.

– Угощайся, пёрышко. Самое сладкое, что нашел в Шограте.

Хазаами, чувствуя, как щеки снова заливают румянец, протянула руку. Принимая угощение, пальцы на секунду коснулись его ладони. Теплая, сухая кожа Торна обожгла её. Она быстро отдернула руку, прижимая яблоко к груди.

– Спасибо, – прошептала она.

Торн откинулся на спинку сиденья, продолжая наблюдать за ней с легкой, довольной улыбкой, пока дилижанс катил их все ближе к дому.

Остаток пути прошел в звенящей, наполненной электричеством тишине. Разговоры стихли, уступив место взглядам – коротким, украдкой, но обжигающим. Каждый раз, когда дилижанс подпрыгивал на ухабе, и их колени случайно соприкасались, Хазаами чувствовала, как по спине пробегает стая мурашек. Внутри всё пело и сжималось одновременно. Мир вокруг казался ярче, а ветер – не холодным, а освежающим. Она то и дело поправляла косу, разглаживала складки на платье и ловила себя на глупой, счастливой улыбке, которую тут же пыталась спрятать.

Наконец, колеса зашуршали по знакомой гравийной дороге. Повозка остановилась на окраине Нуала, у развилки. Салон опустел наполовину. Торн, проявив галантность, первым спрыгнул на землю, а затем, помимо своего дорожного мешка, без лишних слов подхватил тяжелую корзину Аани.

– Позвольте, я провожу вас, – сказал он своим уверенным тоном, не терпящим возражений.

Мать лишь благодарно кивнула, а девушка просияла. Пока они шли по деревенской улице к кузнице Лау, в девушке словно проснулся неугомонный дух. Спокойствие «пера» улетучилось – она то забегала немного вперед, заглядывая парню в лицо, то отставала, вертясь вокруг него, словно юла.

– А что тебе больше всего понравилось в Шограте? – спрашивала она, дергая плечом. – Ярмарочные фокусники? Или те огромные корабли в гавани?

– Корабли, – усмехнулся Торн, перехватывая корзину поудобнее. – Они уплывают далеко. Знаешь, Хази, я не хочу просидеть в Нуале всю жизнь. Смотрю на отца – он же как старый пень, врос в это место. Староста, уважение... скука смертная.

– Ты хочешь уехать? – её шаг замедлился, а в голосе промелькнула тревога.

– Конечно. Там, в больших городах, совсем другие возможности. В гильдиях сейчас такие деньги крутятся... Может, вообще в наемники подамся. Меч, контракты, звон монет. Вот это жизнь, а не коровам хвосты крутить.

Его слова звучали дерзко и маняще. Для восемнадцатилетней девчонки это выглядело не как жадность или тщеславие, а как смелость и широта души.

Они подошли к дому с обветшалой крышей, примыкающему к кузнице. Из трубы шел дым, а значит отец был за работой.

– Спасибо тебе, Торн, – сказала Аани, забирая корзину на крыльце. Она лукаво посмотрела на молодых людей. – Я пойду, нужно ужин готовить. Не стойте долго на ветру.

Дверь за ней закрылась, оставив их наедине. Хазаами вдруг растеряла всю свою прыть. Она стояла перед ним, сцепив руки в замок, и не знала, куда деть взгляд. Небо над ними внезапно потемнело, тяжелые тучи, висевшие с самого утра, наконец, разверзлись. Холодный осенний дождь хлынул стеной.

– Давай встретимся завтра и... – начал было Торн, но его слова заглушил шум ливня.

Они не ушли. Они стояли друг напротив друга под струями воды, не в силах разорвать момент. Тонкое платье Хазаами намочило мгновенно. Ткань потемнела и, став тяжелой, прилипла к телу, как вторая кожа. От ледяной воды и резкого порыва ветра девушку пробил дрожь. Тело отреагировало на холод предательски быстро: ткань на груди натянулась, отчетливо очерчивая затвердевшие соски и контуры груди, которая теперь просвечивала сквозь мокрый лен. Хазаами не сразу это поняла, зачарованная близостью парня. Но потом она заметила его взгляд. Торн больше не смотрел ей в глаза. Он смотрел ниже. Откровенно, жадно, почти не моргая, пожирая взглядом её проступившую наготу.

Вспыхнув от стыда и осознания, Хазаами резко скрестила руки на груди, закрываясь от его бесстыдных глаз.

– Вот женишься, тогда и смотри! – выпалила она, чувствуя, как горят щеки, несмотря на ледяной дождь.

Она развернулась, чтобы убежать в спасительное тепло дома, но его голос настиг её уже на пороге.

– А почему нет, Лау? – бросил он ей в спину, перекрикивая шум дождя. – Может, и женюсь.

Хазаами влетела в дом и захлопнула дверь. Прижавшись к ней спиной, она медленно сползла вниз, не обращая внимания на лужу, натекающую с платья. Сердце колотилось где-то в горле. Она зажмурилась и, улыбаясь своим мыслям, до боли прикусила нижнюю губу.

Следующий день начался не со звона молота, а с томного вздоха. Хазаами еще не проснулась: она блаженно извивалась в тепле одеяла, проживая во сне ту самую сцену под дождем. В её полусне легкий осенний ветерок, обнимавший её тело, превратился в горячее прикосновение Торна, а капли ливня – в обжигающие, нежные поцелуи. Она тихо простонала и выгнула спину, прижимаясь к мягкой перине, не желая отпускать эту сладостную иллюзию. В этот момент по её бедру легонько ударила тонкая палка.

– Пшёл вон, дай поспать! – Хазаами резко дернулась, выхватывая из-под бока оружие и швыряя его в сторону.

– Ой, ты живая, – констатировал голос Ниило с неприкрытым разочарованием.

Брат стоял над ней, сложив руки на груди.

– А то ты так дергалась, как рыба на сковородке, я думал, предсмертные судороги.

– Я сейчас тебе эту палку задницу запихну! – сонно пригрозила Хази, зарываясь головой в подушку.

– Давай вставай, – Ниило невозмутимо пнул кровать. – Отец ждёт. Я за тебя меха качать не собираюсь.

– Да в смысле меха? – девушка села, растирая глаза. – А не твоя ли очередь?

– Забыла? Ты же на ярмарке была, уродина, – ехидно напомнил брат. – Я тут за троих пахал.

– Ну как же, за троих, – протянула она с насмешкой, подмигивая. – Силенок у тебя мало-вато, уродец. Ладно, скоро подойду. Иди, не скули.

Дождавшись, когда брат, бурча под нос, выйдет, Хазаами потянулась. Тело, непривычное к долгой поездке в дилижансе, гудело, но настроение было удивительно легким. Она подошла к окну. Дождь, начавшийся вчера, всё ещё продолжал идти, превратив их двор в сплошное грязное месиво. Вспомнив прощание с Торном под ливнем, девушка невольно улыбнулась.

Сборы были быстрыми. Она надела плотную, рубаху и юбку, предназначенные для работы. У грязного зеркала, висящего криво на стене, она привычно занялась волосами. Коса – это было единственное требование отца, когда дело касалось кузницы: никаких распущенных волос рядом с огнем. Выйдя из спальни, она схватила со стола увесистый кусок вчерашнего хлеба и, мастерски орудуя им и оставшимися прядями одновременно, вышла через пристройку в кузницу, доплетая косу на ходу. Внутри кузницы царил мягкий полумрак, рассеиваемый лишь отблесками тлеющих углей. Воздух был плотным, насыщенным запахом золы. Горн, еще не разгоревшийся, молчал, а инструменты стояли на своих местах, ожидая, когда в них вдохнут жизнь. Кузница еще не была готова к приему дневного огня.

Гунд Лау стоял, склонившись над рабочим столом, и что-то сосредоточенно чертил острым угольком на доске. Он не был похож на кузнеца-великана. Глава семейства был среднего роста, сухощав, но жилист, но его движения всегда отличались точностью и экономичностью. Лицо было гладко выбрито, ведь он часто повторял, что «чистота на лице – это чистота в металле», считая любую неряшливость проявлением расслабленности, недопустимой в его деле.

Хазаами, доплетая последний виток косы, подошла к нему и нежно поцеловала в щеку, пахнущую золой и свежестью.

– Привет, пап.

– Доброе утро, – Гунд не отвлекся от чертежа, но его губы изогнулись в мимолетной улыбке.

Не дожидаясь команды, Хазаами начала готовить горн к рабочему дню. Это был целый ритуал. Сперва она взяла длинный скребок и мастерски, чтобы не потревожить жар, собрала остатки вчерашнего шлака и золы, которая могла испортить новое пламя. Затем она проверила кожаные меха – убедилась, что нет прорех, и прочистила патрубок.

Следующим шагом было топливо. Она подтащила увесистую корзину, полную древесного угля, и аккуратно выложила его поверх тлеющих остатков, формируя ложе для будущего огня. Её руки двигались быстро и уверенно: подъем тяжелой корзины и работа с громоздким инструментом была для неё привычным делом.

Она подтянула к горну тяжелый, наполненный водой деревянный желоб, и только после этого, вздохнув, взялась за рукоять мехов, готовая вдохнуть жизнь в новый день.

Хазаами ритмично налегала на рычаг, чувствуя, как с каждым движением горн начинает дышать. Она посмотрела на отца, затем огляделась вокруг – на закопченные стены, на старые инструменты – и вспомнила вчерашние слова Торна. Он хотел уехать. Но хочет ли она сама этого? Готова ли променять хваленую стабильность на романтическую неизвестность?

Да какая к тьме стабильность? Дом старьей, крыша течет каждую весну. В кузнице заказов кот наплакал: деревня на таком отшибе, что сюда даже бродячие собаки редко забредают. Торговцы появляются, только когда на севере проходят учения армии, но ждать целый год ради того, чтобы просто выжить? Чтобы заработать жалкие гроши, которые еле-еле удерживают их на плаву? Переезд семьи... На него попросту нет денег. А что, если я уеду вместе с Торном? Заработаю целое состояние и перевезу родителей в столицу?

Но даже в свои восемнадцать лет, с присущим юности максимализмом, она понимала: чтобы заработать на такое, нужно обладать талантом невероятной торгашки, которым она, к сожалению, не обладала. Или же... уйти в Гильдию Наемников. Продавать не товары, а силу. Пока она витала в облаках, Гунд подошел к широким створчатым воротам кузницы и с усилием распахнул их настежь. В помещение ворвался влажный, холодный воздух, смешиваясь с запахом гари. Отец вернулся к верстаку, взял доску с чертежом и подошел к дочери.

– Смотри, – с волнением сказал он. – Как тебе?

Хазаами, не отпуская рычаг мехов, скосила глаза на рисунок.

– Ого... – вырвалось у неё. – Двуручник? Да еще и с таким узким клинком? А каков вес?

Гунд почесал затылок, испачканный угольной пылью.

– Ну, по расчетам, если использовать правильный сплав... что-то около килограмма и трехсот граммов. Как у хорошего одноручного меча. Центр тяжести сместим к гарде, чтобы в руке лежал, как влитой.

– Ничего себе... Такой легкий? – она прищурилась, вглядываясь в линии на доске. – Подожди, а это что? Руны? – она ткнула пальцем в угловатые символы по всей длине клинка. – Пап, а где же ты мага найдешь для артефактного меча? Это же безумные деньги.

– Да вот в этом и загвоздка, – вздохнул кузнец. – Я пока не знаю точно, какой тип выбрать. Может, ты мне подскажешь? У тебя голова свежее.

Хазаами, продолжая нагнетать воздух, задумалась. Тыльной стороной ладони она вытерла нос, не заметив, как размазала сажу по щеке, став похожей на маленького чумазого воина.

– Так... – начала она рассуждать вслух, перебирая в памяти уроки отца и трактат по артефактам. – Магических кристаллов у нас нет и не предвидится, значит, Ауриант сразу отпадает. Металлические пластины для сердечника у нас есть, но нет алхимической соли для травления, так что минус Велериант. В принципе, температуру мы можем поддерживать по очереди, да и упругие сплавы у нас есть... Так что первый возможный вариант – это Криант.

Она сделала паузу, подкидывая в топку еще угля.

– Для Силванта и Терранта у нас, прости уж, мозгов не хватит, там геометрия сложная. А, ну и Дэмиант тогда остается.

– Итого у нас всего два варианта: Криант и Дэмиант, – подытожил отец. – Но знаешь... пока вас с мамой не было, заезжал тут один торгаш заблудившийся. Станный такой, спокойный, представляешь – с ручной рысью! Ну и колесо, значит, я ему чинил, и...

Гунд хитро улыбнулся, отошел в дальний угол кузницы и, порывшись в старом сундуке, достал небольшой кожаный мешочек. Он развязал шнурок и показал дочери содержимое: внутри были мелкие, мутно-белые кристаллы соли.

– Он расплатился этим. Так что Велериант тоже стал возможен.

Хазаами расплылась в широкой улыбке, представив, какой шедевр может выйти из-под молота отца. Но затем улыбка медленно начала сходить с её лица, уступая место суровой реальности.

– Пап... а кто их купит-то? – тихо спросила она. – Кому они тут, в нашей дыре, нужны? Да еще и не активированные. Ты же знаешь, без мага это просто железка с царапинами. А алхимики за даром работать не будут.

– Ну, я тут поднакопил... – Гунд понизил голос, оглядываясь на дверь в дом. – Как раз на работу мага средней руки хватит. Только маме не говори, она меня убьет. А с продажи готового меча, глядишь, и хватит денег обновить кузницу, крышу перекрыть... Правда, – он смущенно потер шею, – я ни разу не делал полноценные рунные мечи. Так что сперва будем пробовать, ошибаться... Ну, глядишь, года через три-пять и сделаем достойный клинок.

Хазаами судорожно сглотнула. Пять лет. Эти слова прозвучали как приговор. Еще пять лет в этой грязи, в бедности, без надежды на перемены? Грусть тяжелым камнем легла на сердце.

Но додумать она не успела. Свет в дверном проеме перекрыла широкая фигура. В кузницу, отряхиваясь от дождя, зашел их первый на сегодня заказчик. Это был Торн. Он отвесил вежливый поклон и, протянув руку, поприветствовал Гунда.

– Господин Лау, я за кинжалом. Не готов еще?

Хазаами, не отпуская рычаг мехов, обернулась через плечо и заговорщицки подмигнула парню. Торн тихо хихикнул и, приложив палец к своей щеке, дал ей понять, что она испачкалась. Девушка даже не подумала смутиться или искать тряпку. Наоборот, посмотрев на свои грязные от угля ладони, демонстративно провела рукой по второй щеке, оставляя жирный черный след, и показала ему язык.

Сын старосты слегка поморщил нос, словно от неприятного запаха, но тут же вернул на лицо вежливую маску, принимая оружие, которое протянул ему Гунд.

– Вот, держи, как просил. Ручка из козьей кости, не шлифованная, чтобы в потной ладони не скользила.

Торн осмотрел оружие, одобрительно кивнул и, отсчитав монеты отцу девушки, отошел в сторону к врытому в землю проверочному столбу. Взяв кинжал обратным диагональным хватом, он начал наносить резкие, рубящие удары, совершенно неприемлемые для такого типа удержания.

Да ты что делаешь? – мысленно возмутилась Хазаами, наблюдая за его неуклюжими движениями. – *Позорище... Ну это же совершенно не те приемы! Ты же себе сухожилия потянешь!*

Его действия мгновенно сбили с него налет героизма в её глазах. Красивый, да. Но с оружием обращался как ребенок с палкой. Отец, словно услышав её мысли и пожалев инвентарь, подошел к дочери и, перенимая у неё рычаг мехов, коротко бросил:

– Иди помоги ему, а то он мне столб сейчас снесет, а не зарубку сделает.

Девушка вытерла руки о передник, подошла к парню и, наклонившись так, чтобы отец не слышал за шумом раздуваемого пламени, прошептала:

– Пойдем за дом. Я тебе кое-что покажу.

Глаза Торна блеснули. Они выскользнули из душной кузницы под проливной дождь. Двор превратился в болото: ноги разъезжались на размокшей земле. Пробежав несколько метров и едва не поскользнувшись на повороте, они, смеясь и отфыркиваясь от воды, влетели в старый амбар, стоявший за домом. Едва они оказались под крышей, Хазаами мгновенно сменила игривость на строгость, надев маску учителя. Она бесцеремонно выхватила кинжал из рук парня и, резко развернувшись, метнула его в дальнюю стену. Клинок воткнулся ровно между двух балок.

– Тебя кто учил кинжал так держать? – фыркнула она, уперев руки в бока. – В какие наемники ты собрался, если ты мало того, что держишь его как бандюган, так еще и бить пытаешься как топором?

Она посмотрела по сторонам, выискивая что-то подходящее. В углу валялся тонкий кусок гнилого черенка от лопаты. Хазаами подняла его, с хрустом отломала лишнее, оставив кусок размером с кинжал, и протянула его парню.

– На. Нападай. Как ты там бил?

Торн, всё еще снисходительно улыбаясь, взял деревяшку тем же нелепым хватом и сделал выпад. Он ожидал игры, но оказался совершенно не готов к тому, что сделает девушка. Хазаами мягко отклонилась в сторону, пропуская его руку мимо себя, и резким, точным ударом ребра ладони по его запястью выбила палку.

– Вот видишь? – она шагнула к нему и провела ладонью по его щеке, стирая капли дождя.
– Ты, используя этот хват, двигаешься неверно. Ты открыт.

Торн улыбнулся её прикосновению, думая, что урок окончен. Но Хазаами наклонилась, подняла черенок и взяла его тем же обратным хватом, но теперь её пальцы лежали правильно, а локоть был прижат.

– Нападай. И смотри.

Он сделал шаг вперед, пытаясь схватить её за талию. Хазаами юркнула под его руку, извернулась за спину и, приставив деревяшку к его шее, резко провела от уха до уха.

– Пшик, – прошептала она ему на ухо. – Ты труп. Ну, точнее, секунд через тридцать, пока кровь вся не вытечет.

Торн хмыкнул. Его забавляла серьезность девушки, но возбуждала она его куда больше. Он развернулся и подошел к ней вплотную. Хазаами инстинктивно попятилась назад, пока лопатки не уперлись в шершавую стену. Парень, не теряя времени, уперся руками в стену, отрезая пути к отступлению.

– Я думал, ты мне кое-что другое покажешь, – промурлыкал он, нависая над ней.

– А ты уже готов жениться? – попыталась она перевести всё в шутку, хотя сердце начало биться тревожно и гулко.

– Ой, да ладно тебе, – закатил глаза Торн. – Мы что, в шестисотом году живем?

– Так я же как раз из тех годов! – нервно хохотнула она, пытаясь пролезть под его рукой.
– Долгожительница, бабка старая, так что ничего не знаю про ваши современные нравы.

Отшутиться не удалось. Торн прижался к ней всем телом, и его губы впились в её шею. Хазаами замерла. Это было приятно – горячее дыхание, влажные поцелуи, от которых кружилась голова. Она невольно схватила его за мокрые волосы, прикрыв глаза и наслаждаясь моментом. Но затем его рука грубо скользнула под её рубашку, холодными пальцами сжимая теплую кожу и медленно, но настойчиво двигаясь вверх.

– То-о-орн, рано... – прошептала она, пытаясь мягко остановить его.

Он не послушал. Его пальцы грубо сжали грудь.

– Прошу, не сейчас, я... – она начала задыхаться, паника накатывала ледяной волной. – Я не готова...

Он убрал руку с груди, но лишь для того, чтобы тут же запустить под мокрую юбку, стремясь к самому сокровенному.

– ТОРН! – закричала она.

Тело сработало быстрее разума. Хазаами резко оттолкнула его и со всей силы ударила коленом между ног. Парень взвыл, согнувшись пополам, и рухнул на колени в грязное сено, хватая ртом воздух.

– ТЫ ОХРЕНЕЛ! – заорала Хазаами, от ярости и обиды. – Сын говна, а не старосты! Ищи другую дуру!

– Лау... ты совсем шибанулась... – прохрипел он, краснея. – Больно же, сука...

Она уже стояла в проходе амбара, дрожащими руками поправляя на себе одежду. Дождь за спиной шумел стеной, смывая остатки романтики.

– Не подходи ко мне больше, – бросила она ледяным тоном.

Торн поднял на неё глаза, полные злобы и унижения.

– Ты ответишь за это, Лау. Я серьезно. Сама на коленях приползешь.

– Пфф, – фыркнула она. – Мечтать не вредно. Иди холодненькое приложи.

Она развернулась и побежала к дому, оставляя за спиной не просто обиженного парня, а врага, который не прощает унижений.

Следующее утро началось с тяжелой, ноющей головы. Хазаами проснулась, ощущая щекой холодную влагу. Подушка была насквозь мокрой, но не от пота, а от слез, которые она беззвучно, закусив край одеяла, лила целую ночь. Весь вчерашний вечер, ужиная с матерью и стараясь не смотреть на отца, она держалась. Даже когда брат пытался подшутить над её молчаливостью, она не проронила ни слезинки, загнав обиду и страх глубоко внутрь. Но ночью плотина прорвалась. С трудом разлепив опухшие, покрасневшие веки, девушка вышла из комнаты. В доме царила непривычная, звенящая тишина, но со стороны двора доносился гул головосов. Это было странно. Обычно утренняя суэта означала какое-то событие: приезд ярмарки или важные новости от старосты. Любопытство, свойственное юности, на мгновение пересилило душевную тяжесть. Быстро натянув сапоги и накинув шаль, чтобы скрыть помятый вид, Хазаами вышла на крыльцо.

У колодца, в её дворе, образовав плотный круг, стояли местные старухи – главные сплетницы Нуала. Они что-то жарко, с активной жестикуляцией обсуждали, то и дело кивая в сторону кузницы. Хазаами, натянув на лицо вымученную, вежливую улыбку, направилась к ним, надеясь узнать новости.

– Доброе утро... – начала она, подходя ближе.

Разговоры смолкли мгновенно, словно кто-то перерезал струну. Десяток глаз, обычно приветливых, уставились на неё с презрением и брезгливостью.

– Фу ты ну ты, – сплюнула под ноги, женщина, которая еще вчера в полдень угощала её пирожками. – Ну-ка пшла отсель, шельма!

– Тетушка Ирида, вы... вы чего? – опешила девушка, с дрогнувшей улыбкой. – Это же я... Ха....

– Какая я тебе тетушка?! – взвизгнула старуха, замахиваясь клюкой. – Шлюха! Иди на хер отсель, пока башку не проломила! Не позорь честных людей своим духом!

Девушка попятилась, ничего не понимая. Её взгляд метнулся в сторону. Неподалеку, опираясь на забор, стояла группа мужчин. Обычно они здоровались с уважением, но сейчас на их лицах играли сальные ухмылки.

– Эй, Хази! – крикнул один из них. – А чего глаза красные? От семени, что ли, разъело? У меня тут вот четыре яйца есть, на «посмотреть» хватит?

Толпа взорвалась хохотом. Это был не человеческий смех, а какой-то животный, утробный гогот, от которого сводило скулы. Старухи, скалились беззубыми ртами, тыча в неё кривыми пальцами.

– Я первый! – перебил его другой, делая шаг вперед и хватаясь за пах. – У меня целый каравай есть, мне не только на посмотреть хватит. Ну куда ты пятишься, красавица? Я не обижу. У меня елдак знатный, сама еще добавки попросишь!

Мир вокруг поплыл. Слова, грязные и липкие, ударяли сильнее, чем камни. Она пятилась назад, к дому, мотая головой, словно пытаясь стряхнуть этот кошмар.

– Что... что вы такое говорите?.. – шептала она побелевшими губами, упираясь спиной в дверь дома.

В этот момент калитка распахнулась. Во двор, тяжело дыша, влетели Гунд и Аани. Они как раз возвращались от дома старосты. Увидев дочь, окруженную толпой, и услышав последние выкрики про «каравай» и «добавку», Гунд почернел от ярости. Он молча, как таран, врезался в толпу, плечом отшвырнув щербатого конюха так, что тот отлетел в грязь.

– А ну пошли прочь! – взревел кузнец, перекрывая галдёж. – Вон с моего двора, стервятники!

Не дожидаясь реакции толпы, он подскочил к Хазаами. Она инстинктивно прикрыла лицо, но... он не ударил, не оттолкнул. Он схватил её за плечи своими грубыми, мозолистыми руками и, словно защищая от града стрел, прижал к себе.

– В дом, быстро! – скомандовал он, но в голосе его была не злоба на дочь, а страх за неё.

Аани, рыдая и закрывая лицо краем шали, вцепилась в руку мужа, и они втроем буквально ввалились в сенцы, с грохотом захлопнув дверь и задвинув засов. Глухие удары и улюлюканье всё еще доносились с улицы, но теперь они были приглушены стенами.

Внутри Гунд бережно, почти нежно усадил трясушуюся дочь на лавку. Хазаами смотрела на родителей огромными, полными ужаса глазами.

– Папа... Мама... Что случилось? Почему они так?.. – её голос срывался на истерику. – Я просто вышла во двор...

Гунд тяжело опустился на табурет напротив, закрыв лицо ладонями. Аани села рядом с дочерью, обнимая её и глядя по голове, словно маленькую.

– Нас вызвал староста, – глухо произнес отец, убирая руки от лица, полного невыносимой боли.

– И что? – дочь почувствовала, как холодеют внутренности. Догадка уже царапала сознание.

– Он сказал... – Гунд сглотнул, желваки на его скулах ходили ходуном. – Он сказал, что этой ночью, пока мы спали... к нам якобы заехали три торговца. И ты... ты вышла к ним.

– Что? Какие торговцы?! Я спала! Я...

– Я знаю, дочка... я знаю! – перебил её отец, сжимая её ладонь. – Я знаю, что ты этого не делала. Я знаю тебя. Но староста... он расписал всё так... Будто ты сама починила им колесо, пока я храпел. А потом сказала, что голодная. И что за десяток яиц и корку хлеба... ты готова ублажить их всех. Одновременно. Прямо в грязи.

Хазаами замерла, открыв рот в беззвучном крике. Чудовищность лжи была настолько велика, что мозг отказывался её воспринимать. Торн не просто отомстил. Он взял её слова, её бедность, её отказ – и вывернул это наизнанку, превратив в грязную байку, в которую деревня захотела поверить.

В углу комнаты послышался резкий звук отодвигаемого стула. Ниило, который всё это время сидел тихо, слушая рассказ отца, вскочил на ноги. Его лицо было пунцовым от ярости.

– Это Торн! – выкрикнул брат, его голос ломался от гнева. – Это он всё придумал! Я слышал, как он вчера смеялся с парнями!

Мальчишка метнулся к печи и схватил тяжелую железную кочергу.

– Я убью его! – заорал он, направляясь к двери. – Я проломлю ему башку! Я заставлю его сожрать свои слова!

– Сядь! – рявкнул отец, вскакивая и преграждая сыну путь.

– Пусти! Он опозорил сестру!

– Я сказал сядь! – Гунд вырвал кочергу из рук сына и швырнул её в угол с такой силой, что от стены отлетела штукатурка.

Кузнец схватил Ниило за плечи и встряхнул его, заставляя посмотреть себе в глаза.

– Они только этого и ждут! – прошипел Гунд, словно загнанный зверь. – Ударишь сына старосты – нас уничтожат. Сделают изгоями. Лишат заказов. Никто больше не придет в нашу кузницу. Мы с голоду сохнем, ты понимаешь?! Мы ничего не докажем. У них власть, у них глотки, а у нас – только наши руки.

Ниило обмяк в руках отца, по его щекам текли злые слезы бессилия. Хазаами смотрела на них – на плачущую мать, на раздавленного отца, на яростного, но такого маленького брата, и понимала: пока она здесь, это клеймо будет лежать на них всех. «Шлюха за яйца и хлеб». Это пятно не смыть водой, и оно медленно их убьет.

День тянулся бесконечно долго, словно патока, смешанная с пеплом. Вновь начавшийся дождь, барабанил по крыше монотонный, сводящий с ума ритм. Время обеда давно прошло,

но Аани, по привычке, накрыла на стол. Суп дымился в глиняных мисках, но никто не приоткрылся к ложкам. Гунд сидел во главе стола, глядя в одну точку на стене. Его плечи, обычно расправленные, сейчас ссутулились, словно на них положили невидимую наковальню. Ниילו ковырял столешницу ногтем, бросая исподлобья злые взгляды на окно. Хазаами чувствовала себя призрак в собственном доме. Она была здесь, но её присутствие отравляло воздух. Каждый вздох родителей казался ей упреком, хотя они не сказали ни слова.

В дверь постучали. Не громко, не агрессивно, а властно. Три четких удара.

Гунд вздрогнул. В его глазах на секунду вспыхнула надежда – может, кому-то срочно нужен лемех для плуга? Может, здравый смысл победил сплетни? Он тяжело поднялся и пошел открывать. Хазаами замерла, прижав руки к груди. Она на цыпочках подошла к двери в сени, чтобы слышать разговор.

На пороге стоял Староста. Тучный мужчина в дорогом суконном плаще, с которого стекала вода. Он не стал заходить внутрь, оставшись стоять в проеме, чтобы не «мараться».

– Здравствуй, Гунд, – голос Старосты был спокойным, даже сочувствующим, отчего становилось еще страшнее.

– Чего тебе? – глухо спросил кузнец, не подавая руки. – Пришел проверить, не повесились ли мы?

– Не дерзи, мастер. Я пришел помочь. Я уважаю тебя, Гунд. Ты единственный кузнец на два дня пути. Но ситуация... скверная.

– Твой сын оболгал мою дочь, – прорычал Гунд. – Пусть он заберет свои слова назад, и ситуация исправится.

– Мой сын? – Староста хмыкнул. – Мой сын – уважаемый парень, а не брехло. А твоя дочь... Гунд, давай начистоту. Деревня бурлит. Люди говорят, что негоже брать металл из «грязного» дома. Я слышал, Генойр уже хочет ехать в Альрос и там подковать коня.

Гунд промолчал, сжимая кулаки.

– То-то и оно, – продолжил гость. – Дальше будет хуже. Парни горячие, могут и красного петуха подпустить. Но я могу это остановить.

– Как?

– Избавься от неё.

За дверью Хазаами зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

– Что?.. – голос отца дрогнул.

– Отправь девку прочь, – буднично предложил Староста. – В город, в порт, в услужение... да хоть в канаву. Мне плевать. Главное – чтобы её здесь не было. Если она исчезнет до рассвета, я завтра же выйду к людям и скажу: «Гунд Лау – честный человек. Он узнал правду, его сердце разбито, но он не потерпел такого и выгнал блудницу». Люди любят такие истории. Они простят тебя. Заказы вернутся. Ты, жена, сын – вы заживете как прежде.

Повисла тишина. Слышно было только шум дождя.

– А если нет? – тихо спросил кузнец.

– А если нет... – голос Старосты стал жестким, как сталь. – То ты потакаешь разврату. И тогда я умываю руки. Никто в Нуале не купит у тебя даже гвоздя. Вы сгниете здесь, Гунд. Подумай о сыне. Ему здесь жить. Мое предложение действует до рассвета.

Хазаами прислонилась лбом к холодной стене. Слезы снова потекли по щекам. Вот оно. Выход. Простой и страшный.

– Пошел вон, – тихо сказал Гунд.

– Что?

– ПОШЕЛ ВОН! – взревел отец так, что задрожали стены. – Моя дочь останется дома! Это её дом! А если кто сунется с факелом – клянусь Предками, я встречу его молотом! Я переломаю кости любому, кто косо посмотрит на мою семью! Убирайся!

Дверь с грохотом захлопнулась и Гунд вернулся в комнату. Он тяжело дышал, его лицо было красным. Он посмотрел на жену и детей, пытаясь улыбнуться, но вышла гримаса боли.

– Всё будет хорошо, – соврал он, садясь за стол. – Просто... просто нам нужно немного потерпеть. Они успокоятся. Ешьте суп. Остынет.

Хазаами посмотрела на отца. На его дрожащие руки. На испуганную мать. На Ниило, который сжимал ложку так, что она погнулась. Она поняла: отец не выгонит её. Никогда. Он гордый ниосиец. Он скорее умрет с голоду, скорее даст сжечь дом вместе с собой, чем признает ложь и предаст дочь. *Он спасет меня*, – пронеслось у неё в голове с кристальной ясностью. – *И это убьет их всех.*

Решение пришло мгновенно. Холодное и острое, как тот самый кинжал. Если отец не может выгнать «паршивую овцу», овца должна уйти сама. Чтобы стадо выжило.

Она взяла ложку и зачерпнула остывающий суп.

– Ты прав, пап, – твердо сказала она, глядя ему в глаза. – Всё наладится.

Гунд кивнул, словно ставя точку в этом тяжелом разговоре. Он молча отодвинул нетронутую тарелку, тяжело поднялся и открыл крышку подпола. Порывшись там минуту, он вынес на свет пыльную бутылку с мутноватой жидкостью – домашним самогоном, который в их краях называли «огнивицей».

Он никогда не пил. Бутылка стояла там годами, припасенная для гостей или больших праздников, вроде свадьбы, которой теперь не суждено было случиться. Кузнец налил полную глиняную кружку и, немного помедлив, протянул её Хазаами.

– Выпей, – глухо сказал он. – Поможет успокоиться. Сон придет быстрее.

Отдав кружку, он махнул сыну рукой.

– Пойдем, Ниило. Закроем ставни, пока окна еще целы.

Они вышли через боковую дверь, ведущую в пристроенную кузницу. Хазаами осталась в комнате с матерью. Девушка несколько секунд смотрела на мутную жидкость, в которой не отражалось ничего, кроме её собственного страха. Затем она зажмурилась и выпила залпом. Горло обожгло огнем, дыхание перехватило так сильно, что на глазах выступили слезы. Она с грохотом поставила кружку и уперлась ладонями в стол, жадно хватая ртом воздух.

– Фу-у-ух... – выдохнула она, вытирая губы рукой. – Вот почему папа ненавидит это пойло. Это же отвратительно. На вкус как жидкий уголь.

Мать, сидевшая напротив, лишь слегка хмыкнула, не меняя своей скорбной позы. Хазаами встала. Ноги после самогона стали ватными, но в голове прояснилось. Она подошла к матери, крепко обняла её за плечи и поцеловала в макушку, вдыхая родной запах.

– Я вас всех очень люблю, мам, – прошептала она. – Очень.

Не дожидаясь ответа, которого и не могло быть, она ушла в свою комнату. Закрыв за собой дверь, она подошла к окну. Сквозь мокрое стекло она увидела Ниило. Брат стоял под проливным дождем с той стороны дома и накидывал тяжелый засов на ставни. Его лицо было бледным и решительным. Створки сомкнулись, отрезая комнату от внешнего мира и погружая её во мрак. Щелчок засова прозвучал как удар молотка судьи.

Время словно сжалось, потеряло свой ход. Казалось, прошла всего секунда: вот только что за окном шумел дождь, а теперь этот шум превратился в монотонный ночной гул.

Хазаами сидела на краю своей постели. Она была полностью готова. Грубая походная одежда, которую она стащила у брата и плотный плащ, свернутый в тугой узел за спиной. Сапоги она держала в руках, чтобы не стучать каблуками.

На соседней кровати, раскинувшись звездой, спал Ниило. Самогон, который, видимо, отец налил и ему, сделал своё дело – мальчишка храпел, дергая ногой во сне.

Хазаами осторожно приоткрыла дверь комнаты, оставляя крошечную щель. В главной комнате горела одна тусклая свеча. Гунд не спал. Отец сидел на лавке прямо у входной двери.

На его коленях лежал тяжелый молот, который он обычно использовал только для самой грубойковки. Он сидел неподвижно, глядя на засов, готовый в любой момент вскочить и защищать семью от огня или камня.

Это было единственное препятствие, которое она не учла. Выбраться через окно невозможно – ставни наглухо закрыты снаружи. Единственный путь – через кузницу. Дверь в неё находилась в той же комнате, где сидел отец, но в дальнем углу, за печью. Чтобы пройти туда, нужно было пересечь комнату, по предательски скрипящим половицам. Хазаами лихорадочно соображала. Если она издаст звук здесь, в комнате, отец прибежит к детям. Путь будет отрезан. Ему нужно услышать угрозу с другой стороны. С улицы? Нет, ставни толстые. Взгляд её упал на карман куртки Ниило, висевшей на стуле рядом. Из него торчала небольшая рогатина и горсть мелких камней, которые брат таскал с собой.

Она на цыпочках подошла к куртке, выудила камень. Затем вернулась к щели в двери. Ей нужно было бросить его так, чтобы он ударился о дальнюю стену кухни, прямо возле полок с посудой. Звук должен быть таким, словно что-то упало или... словно кто-то пытается поддеть ставню с той стороны. Гунд напряжен. Любой резкий звук в доме заставит его среагировать. Если он вскочит и пойдет к кухне проверять шум, его спина окажется повернута к проходу в кузницу. У неё будет всего пара секунд.

Хазаами взвесила камень в руке, прицелилась в щель и, вспомнив всех своих Предков, метнула камень и тут же присела, сжавшись в комок. Но снаряд предательски полетел не в стену кухни. Стук раздался совсем рядом – галька отскочила от ножки лавки и ударила прямо в сапог отца. Гунд замер, а затем медленно наклонился, протягивая руку к источнику звука. Нервы девушки сдали, не выдержав напряжения. Рванув дверь, она выбежала из комнаты, словно спущенная с тетивы стрела.

– Хазаами! – взревел Гунд.

Он увидел мелькнувшую тень дочери, отшвырнул тяжелый молот, и бросился за ней. Но юность и адреналин были быстрее. Хазаами влетела в пристройку кузницы и со всей силы захлопнула дверь перед самым носом отца, тут же задвинув тяжелый железный засов.

– Открой! – кричал Гунд, колотя кулаками по дереву. – Дочка, не смей! Открой сейчас же!

Хазаами прижалась лбом к холодной древесине, крича и пуская слезы:

– Папочка, прости... Я люблю вас. Я вас всех очень люблю. Я обязательно свяжусь с вами, когда найду хорошее место. Живите... просто живите.

Она развернулась и выбежала в широкие ворота кузницы, прямо в объятия ледяного ливня. Она бежала, скользя босыми ногами по чавкающей земле, на ходу пытаясь натянуть жесткие сапоги на грязные, мокрые ступни. Где-то в темноте зацепилась лента, стягивавшая её косу, та самая, что была символом порядка в кузнице. Волосы, освободившись от строгого плетения, рассыпались по плечам тяжелой, мокрой волной. Теперь она уходила в ночь, не оглядываясь назад. Ветер, яростный и холодный, словно срывал с неё липкую паутину деревенских слухов и лжи, становясь её единственным спутником и новым, невидимым знаменем одиночества.

Глава 4

Шестой отряд

Ярибург, весна 923г

Промо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.